

Главная

Дискуссии

Публикации

Научный семинар

Страница Ясина

Мечта профессора
Ясина

Премия
«ПолитПросвет»

Наши проекты

Молодёжный проект «Я
думаю»

Библиотека

О фонде

Пресса о фонде

Поиск по сайту:

ПОИСК

Сделать стартовой
страницей

П	В	С	Ч	П	С	В
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

Декабрь

2010

ПОИСК

Дискуссии

Рост и развитие российской экономики

[Вернуться к списку дискуссий](#)

[Версия для печати](#)

27.12.2002

В последнее время постоянно обсуждается проблема экономического роста и его составляющих. В современной экономике рост - неотъемлемая часть развития. Но как достичь его в конкретной стране в конкретное время, здесь и сейчас? Возможно ли "российское экономическое чудо"? И если да, что для этого необходимо? Этими вопросами задается в своей статье Евгений Ясин.

Оглавление:

Евгений Ясин «Рост и развитие российской экономики» Текст статьи.

Комментарий Сергея Циреля

Евгений Ясин «Рост и развитие российской экономики» Текст статьи.

Цели и цена реформ

Пережив финансовый кризис 1998 года, который завершил длительную полосу упадка, российская экономика вдруг, казалось бы, неожиданно, начала расти. На самом деле ничего удивительного не было.

Реформаторы ожидали перехода экономики в фазу экономического роста едва ли не сразу после финансовой стабилизации. Но последней оказалось мало, да и бюджетный кризис, который разрешился только в 1999-2000 годы, означал, что стабилизация условна, а инфляция просто отложена, отодвинута во времени за счет наращивания государственного долга. Кроме того, свежим взглядом понадобилось посмотреть на необходимые структурные и институциональные изменения, без которых рост в рыночной экономике невозможен.

Нашлось немало людей готовых приписать его себе в заслугу. А роста просто не могло не быть, особенно после такого гигантского спада.

Возобновление роста экономики предсказывалось как результат рыночных реформ. Реформы начинались для того, чтобы вывести страну из тупика нарастающего отставания, привести к более высоким темпам развития и росту благосостояния. Иначе, зачем они были нужны?

Конечно, объективно они были нацелены прежде всего на разрешение и преодоление кризиса плановой системы, на предотвращение революции и хаоса. Это понимали лишь немногие. И это понимание логически влекло за собой допущение того, что результаты могут быть много хуже ожидаемых. Но осознаваемая в обществе цель реформ состояла в том, чтобы сделать лучше, чем было. И сделать так, чтобы подавляющее большинство сограждан в обозримые сроки убедилось в том, что рыночная экономика эффективней и справедливей плановой, что демократия лучше выражает интересы народа, чем тоталитаризм.

К началу II этапа трансформации, после кризиса 1998 года российская экономика отстояла от этих целей, казалось, как никогда далеко. Разочарование в обществе либеральными реформами и демократией достигло максимума, а функционирование экономики – минимума. Именно с этого момента возобновился экономический рост.

В таблице 1 приведены данные о динамике основных экономических показателей с 1990 по 2002 годы. Как мы видим, трансформационный спад продолжался в России восемь лет, семь

из которых – после либерализации цен. ВВП 1998 года снизился по сравнению с 1990 года на 57,4%, а численность занятых снизилась максимум на 15,3%. Расходы на конечное потребление достигли минимума в 1999 году (сокращение на 20,3% по отношению к аналогичным показателям 1990 года). В 1998 году достигли минимума производительность труда и инвестиции в основной капитал (67,8% и 25,3% от уровня 1990 года соответственно). В этот период сокращение инвестиций позволило ослабить давление кризиса на уровень жизни. В 1999 году розничный товарооборот снизился максимум на 13,6% от уровня 1990 года. Это характеристики I этапа преобразований.

С 1999 года начался подъем, темпы которого достигли пика в 2000 году. В 1999-2001 годах компенсировано 14,6% снижения ВВП за 1991-1998 годы из общей величины 42,6%, т. е. больше трети. Производительность труда поднялась примерно до уровня 80% уровня 1990 года, инвестиции в основной капитал – до трети.

Розничный товарооборот в 2001 году впервые превысил уровень 1990 года. Реальные среднедушевые доходы населения практически вышли на уровень 1998 года, когда они составили, по данным министерства экономического развития и торговли, 52,1% к уровню 1991 года¹.

Но в 2001 году темпы роста стали снижаться, нанося удар по эйфорическим ожиданиям. Снова возникло беспокойство, не идет ли дело к новому кризису. В своем послании к Федеральному собранию в апреле 2002 года президент потребовал от правительства большей амбициозности. В этой обстановке проблемы экономического роста, его факторов и условий оказались в центре внимания общества и профессиональных дискуссий экономистов.

Таблица 1. Индексы основных экономических показателей России за годы трансформационного кризиса (1990-2002 годы)

Разумеется, Россия сегодня – не единственный случай проявления интереса к экономическому росту. К нему постоянно приковано внимание экономической науки и практики. Вряд ли какой другой вопрос столь интенсивно обсуждается и в дискуссиях и в литературе. Это легко объяснить: если в стране происходит рост экономики, она без особого труда решает свои социальные и политические проблемы.

Существенно, что рост стал постоянным требованием. Казалось бы, при неизменных технике, технологии и вложениях ресурсов его вообще может не быть. Веками по всему миру люди жили в таких условиях, функционирование экономики отличалось стабильностью и по масштабам, и по методам производства и обмена. Изменения были медленными и достаточно случайными.

Но в том то и дело, что начиная с победы капитализма в XVIII веке поток нововведений стал непрерывным и нарастающим. Родилась инновационная экономика. И с тех пор оказалось возможным постоянно увеличивать объемы производства, торговли, потребления даже без вовлечения дополнительных ресурсов, придерживаясь интенсивных методов развития. Экономический рост стал постоянным, как и требования его поддержания.

В настоящее время одни страны обеспечивают рост экономики в основном за счет нововведений (США), другие – за счет добычи ресурсов (Саудовская Аравия, Венесуэла) со всеми превратностями мирового рынка, третьи – за счет усвоения нововведений, созданных за рубежом, конвергенции («азиатские тигры»), а четвертые – за счет комбинации перечисленных факторов.

Каким образом достигается экономический рост? каковы его факторы и условия? – в целом хорошо известно. Главное – верно понять и решить, как достигнуть его в конкретной стране в конкретное время, здесь и сейчас.

Факторы роста: теория вопроса

Напомним все же основные пункты теории экономического роста.

Первое, весьма банальное утверждение: *рост есть результат экономической деятельности*. Именно она выступает в роли активного начала, и все определяется степенью, качеством и направленностью этой активности.

Второе. *Для экономической деятельности нужны ресурсы.* Таковыми являются земля, природные ресурсы, труд и капитал. В последнее время к ним добавляются знания, информационные ресурсы.

Третье. *Результаты экономической деятельности могут превышать по ценности сумму затрат названных факторов,* в чем и состоит экономический рост. Это происходит либо за счет увеличения природной ренты, либо за счет внешних заимствований ресурсов, технологий, навыков, знаний, либо за счет ограничения потребления в пользу накопления внутри системы, либо за счет реализации собственных нововведений, повышающих эффективность использования ресурсов.

Зависимость роста от внутренних факторов производства обычно описывается функцией $Y=AF(K,L)$, где Y – объем выпуска, K – капитал, L – труд, A – переменная, характеризующая уровень технологии.

Та же зависимость в приростах выглядит так:

$$\frac{\Delta Y}{Y} = (1 - \theta) * \frac{\Delta L}{L} + \theta * \frac{\Delta A}{A} \quad (2)$$

Здесь θ – доля капитала в росте выпуска, а $(1 - \theta)$ – доля труда в росте выпуска.

В свое время технический прогресс трактовался в основном как замещение труда капиталом, т. е. связывался с ростом производительности труда при увеличении его капиталовооруженности, а точнее – при падающей капиталоотдаче. Рост описывался линейной однородной функцией Кобба-Дугласа:

$$Y = A * L^{(1-\theta)} * K^{\theta}$$

В знаменитой работе 1957 года², исследуя рост экономики США в 1909-1949 годах, Р. Солоу показал, что более 80% прироста выпуска в этот период объясняется иными факторами, чем увеличение затрат капитала на единицу труда или затрат труда, которые в совокупности стали трактоваться как результат нововведений, технический прогресс.

Уравнение (2) хорошо описывает процесс роста в развитых странах. Впрочем, и для них требуются уточнения. Так, Р. Лукас ввел в уравнение фактор человеческого капитала, понимаемый как совокупность всех производительных качеств работника – знаний, навыков, мотивации и энергии. Они считаются функцией инвестиций в человека или в образование, воспитание, здравоохранение³. Другой вариант включения человеческого капитала в качестве самостоятельной переменной предложили К. Мэнкью, Д. Ромер и Д. Уэйл. Эмпирическая проверка этих моделей показала их состоятельность, несмотря на условности измерения человеческого капитала. Они позволяют объяснить примерно 80% различий в душевых доходах между странами разного уровня развития. Удалось объяснить успехи Южной Кореи и Тайваня компенсацией недостатка физического капитала высоким качеством рабочей силы⁴.

Капитал представляет собой накопленные инвестиции. Его прирост и повышение качества обусловлены новыми инвестициями, которые образуются за счет сбережений в составе произведенного продукта. *Норма сбережений* в ВВП – важнейшая характеристика роста. Однако объем инвестиций в основной капитал, а именно они являются непосредственным ресурсом производства, может заметно отличаться от сбережений, в том числе за счет оттока капитала, выплат по долгам, прироста резервов и т. п. Впрочем, можно прибегать к внешним заимствованиям, иностранным инвестициям. Отношение инвестиций в основной капитал к сбережениям – важная переменная роста, характеризующая *трансформацию сбережений в инвестиции*. Наконец, конечный результат инвестиций зависит от их *эффективности, отдачи на вложенный капитал*.

Многочисленные экономические исследования⁵ показывают зависимость темпов экономического роста от нормы сбережений и объема инвестиций. Поэтому естественна мысль о повышении темпов роста за счет увеличения этих переменных. В СССР в 1920-х

годах активно обсуждалась проблема накоплений для индустриализации. Позднее на Западе разрабатывались теории «*большого толчка*». Работа Р. Харрода 1939 года выявила условия, при которых без нарушения равновесия возможен быстрый рост вследствие увеличения инвестиций. Для этого гарантированный темп роста (при полном использовании производственных мощностей) должен быть ниже естественного (при полной занятости). Тогда образуется избыток трудовых ресурсов, который позволяет эффективно использовать инвестиции⁶. Вместе с тем выяснилось, что при увеличении инвестиций равновесие неустойчиво.

Дальнейшие исследования были направлены на обоснование идеи модернизации экономики за счет крупного вливания капитала, способного перевести ее на новый уровень, после чего она выйдет на траекторию самоподдерживающегося роста. В рамках кейнсианской школы, весьма скептически относившейся к рыночным силам, акцент делался на принудительные сбережения, стимулируемые налоговой и денежно-кредитной политикой государства. Обговаривалась также возможность импорта капитала. По оценкам Х. Лейбенштейна «минимальное критическое усилие» достигается, если уровень инвестиций достигает 12-15% национального дохода⁷. С одной стороны, инвестиции повышают доходы, увеличивая спрос, а с другой – создают стимулы для активизации предпринимательской деятельности. Пробразом «большого толчка» считался послевоенный план Маршалла для Европы. Мы же можем рассмотреть сталинскую индустриализацию, которая проводилась за счет принудительного накопления, сокращения потребления, т. е. нарушения всех основных пропорций, немыслимого в условиях рыночной экономики. Не случайно И. Сталин подверг буквально уничтожающей критике сторонников равновесного развития.

Как бы то ни было, сбережения и инвестиции остаются ключевыми параметрами в любой политике роста и модернизации.

Рост и развитие

До сих пор речь шла о ресурсах и их качестве. Кроме того, институционалисты обращают внимание на важность общественной среды. В ней ученые авторитеты выделяют экономические институты и культуру в широком смысле. В сущности изменение экономических институтов и культуры в направлении, содействующем экономическому росту, повышению благосостояния и творческих возможностей людей составляет содержание понятия «развитие».

Развитие шире роста и важнее его. Возможно развитие экономики и общества при низких темпах роста или отсутствии такового, но при этом оно всегда создает возможности для будущего роста. Рост в конкретный период, если он подталкивается определенной экономической политикой, может противоречить задачам развития⁸.

Дж. Гортни называет следующие экономические институты, способствующие экономическому росту в рыночной экономике⁹:

- * надежные права собственности;
- * стабильная валюта и цены;
- * конкурентные рынки;
- * свободная торговля с иностранцами, открытая экономика;
- * оптимальный (обоснованный) размер государства¹⁰.

Также он упоминает политическую стабильность.

Список экономических институтов, важных для роста, можно продолжить:

- * доверие между агентами экономики, обязательность партнеров;
- * законность и правопорядок, доминирование правового решения деловых проблем над неформальными и силовыми;
- * высокий уровень корпоративного управления;
- * прозрачность компаний, внедрение международных стандартов финансовой отчетности;
- * развитые финансовая и банковская системы, удовлетворяющие спрос на кредиты и инвестиции, содействующие ему.

Культура – понятие более широкое и сложное. Институты – составная часть культуры. Но есть еще многое другое, что не входит в содержание институтов и, тем не менее, характеризует специфику данной страны или группы стран¹¹ или влияет на темпы их роста и развития. Росту содействует *креативная система ценностей*, создающая стимулы к деловой

активности, к инновациям. *Стремление к знаниям*, мотивирующее поведение индивидов и семей, общепринято, например, в Корее, и, по собственному мнению корейцев, именно оно стало значительным фактором быстрого подъема этой страны. *Гибкость религии и веротерпимость*, способность духовных традиций быстро адаптироваться к требованиям общественного развития важны постольку, поскольку мотивируют предприимчивости, а их отсутствие могут вести и ограничениям, таким как запрет забоя коров в Индии или потребления свинины в исламе и иудаизме.

Готовность защищать свои права – неперенное свойство гражданского общества, как и *уважение к свободе*, своей и других – важные свойства культуры, иной раз создающие трудности, как, скажем, и конкуренция, но абсолютно необходимые для развития, создающие условия для массовой творческой активности.

Рис. 1. Факторы экономического роста – ресурсы и среда

На рис.1 схематически представлены все вышеназванные факторы роста экономики – ресурсы и элементы среды. Одно их перечисление показывает, насколько это сложное явление и как опасно оно может быть упрощено. Сопоставление этих факторов для разных стран или групп стран со сходной культурой, которые А. Тойнби называет цивилизациями, позволяет многое сказать о том, почему одни страны более развиты, чем другие, почему одним удается добиться высоких устойчивых темпов роста на длительный период, а другим – нет. В дальнейшем нам предстоит рассмотреть все эти факторы применительно к России XXI века.

Для стран, которые стоят перед задачей преодоления отсталости и нуждаются в высоких темпах роста, все эти теоретические обобщения представляются недостаточными. Они в лучшем случае позволяют понять ограничения, которые нужно преодолеть или с которыми придется считаться, иной раз признав недостаточность амбициозных целей. Но нужно было бы знать, что и как следует делать в конкретных условиях той или другой страны. Например, России.

По этой причине предпринимались многочисленные попытки подвести теоретический фундамент под выработку политики роста для развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Мы остановимся на трех наиболее важных, с моей точки зрения, теориях: теории стадий экономического роста, теории аграрно-индустриального перехода и теории догоняющего развития.

Стадии роста

Термин «теория стадий экономического роста» принадлежит У. Ростоу¹². Он выделял пять стадий: традиционное общество, создание предпосылок для роста, взлет, движение к зрелости, эпоха высокого массового потребления. Теория претендовала на роль глобальной модели развития. Суть ее состояла в том, что в каждый момент страны находятся на разных стадиях роста и, понимая, на какой стадии находится данная страна, можно предвидеть, какой будет следующая стадия и сообразно с этим строить политику. Но, грубо говоря, если определенная стадия пройдена, то советы, которые хороши для нее, окажутся бесполезными, а то и вредными.

На самом деле теория Ростоу описывала определенный исторический период – от начала разложения феодализма (традиционное общество охватывает все, что было до капитализма, кстати, включая советский социализм) до 1960-х годов, когда общество потребления установилось в США. Далее как бы следует «конец истории», о котором позже писал Ф. Фукуяма.

Теория К. Маркса, существенно более ранняя, представляется и более содержательной. Она опирается на идею «способа производства» в своем социально-экономическом понимании (способ соединения труда и средств производства), а смену стадий развития связывает со сменой способа производства. Первобытно-общинный строй предусматривает общественную собственность на средства производства, при рабовладении раб становится средством производства наряду с другими, феодализм подразумевает личную зависимость на основе владения землей, капитализм – частную собственность на средства производства и рабочую силу как товар, а социализм и коммунизм – снова общественную собственность и ... снова «конец истории».

Эту теорию тоже можно подвергнуть критике. Например, А. Тойнби отмечает, что рабский

труд на латифундиях – особенность эллинистического мира, возникшая после того, как в Древней Греции и на Сицилии развилось производство оливок и вина на экспорт, чтобы в обмен покупать хлеб, который было трудно выращивать в условиях Греции. Поэтому не следует эту форму рабства, скорее похожую на рабство африканцев в США накануне Гражданской войны, возводить в мировую закономерность¹³. Другие формы зависимости, отмеченные самим Марксом при анализе азиатского способа производства, как бы вытекают из его схемы.

Феодализм в марксистской интерпретации также слишком бледен и не дифференцирован. У других авторов он получает множество иных определений, в том числе до утверждения, что это – чисто европейское явление. И капитализм как-то очень одинаков на протяжении всей своей истории, несмотря на ускорение развития событий и многочисленные качественные изменения в экономике и обществе, особенно заметные с начала XX века.

Тем не менее в целом марксистская концепция стадий развития представляется жизнеспособной.

Энгус Маддисон, специалист по экономической истории и теории экономического роста, предложил свою схему стадий развития, опираясь на анализ пятнадцативекового периода в истории Европы, который он увязал с динамикой выпуска продукции на душу населения (см. табл. 2).

Таблица 2. Стадии развития и рост выпуска на душу населения с 500 до 1980 года (среднегодовой темп роста)

Маддисон выделяет эпоху аграрной экономики, когда основой производства была земля, время европейского феодализма, по Марксу, которая начинается с крушения Западной Римской империи, и эпоху, когда в выпуске стали доминировать торговля и промышленность. Последняя стадия началась английской промышленной революцией (1780–1820 годы). Стоит подчеркнуть: какие бы ни строились в последнее время схемы стадий роста и развития, в центре их всегда стоит аграрно-индустриальный переход, совпадающий с переходом от феодализма к капитализму.

Более древние события можно оставить историкам и археологам. То, что будет после нас – потомкам. Но для нас и тех задач, которые нам предстоит решать, именно этот переход представляет наибольшую важность в совокупности с последними структурными изменениями в передовых странах, кладущими начало постиндустриальной эпохе. Все ныне существующие страны находятся либо на аграрно-феодальной стадии, либо на индустриальной, либо на постиндустриальной (информационной), либо в фазе перехода из одной стадии к другой.

При этом в каждой стране есть своя специфика аграрного строя и феодализма. Чем более ранняя стадия, тем больше разнообразия, ибо на этих стадиях, как правило, идет самостоятельное развитие, при ограниченных внешних воздействиях. Есть специфика, правда, меньшая, и для стадии индустриально-капиталистической, хотя бы в силу различия исходных позиций, но со все большим нивелированием далее из-за быстрого распространения «передового опыта».

Чтобы закончить тему стадий роста, следует отметить теорию А. Тойнби¹⁴, а также близко к ней стоящую концепцию Л.Н. Гумилева¹⁵, которые рассматривали закономерности жизни цивилизаций (этносов) наподобие жизни человека или жизненного цикла продукта: предпосылки – рост – расцвет – надлом – упадок. В этих концепциях нет места «концу истории». А Тойнби пишет о отеческо-сыновних связях между цивилизациями. Так, эллинистическая цивилизация – отеческая по отношению к западной и восточно-христианской, а ислам – преемник сирийской цивилизации, к которой автор относит всю культуру Междуречья, начиная с Шумера и Восточного Средиземноморья, включая Иудею и Финикию.

Рост цивилизаций – результат ответов на вызовы, создающих напряжение энергии. Упадок происходит от внутренних противоречий, внешнего давления, не находящего достойного ответа, от падения энергии данной цивилизации. Все зависит от состояния элиты, от ее способности отвечать на внешние и внутренние вызовы.

Важнейшее понятие в концепции Л. Гумилева – пассионарность, взрыв энергии, исходящей от творческих личностей, после которого расходятся волны. Срок жизни этноса – около тысячи лет.

Эти теории трудно назвать строго научными. Например, А. Тойнби отрицает, произвольно подбирая подходящие примеры, влияние развития техники и технологии на жизнь цивилизаций, на смену стадий роста. Но материал для размышлений в этих теориях есть.

Когда мы думаем о будущем, например России, то стоит принять во внимание и те факты, которые свидетельствуют о вызовах, на которые, как кажется, мы сейчас не можем дать быстрый и убедительный ответ: перемалывание огромной массы национальных ресурсов в годы коммунизма, уничтожение элит, демографический кризис, грозящий затянуться надолго, привычка жить за счет природной ренты, неумение делать конкурентоспособные готовые изделия, кроме оружия, вспышки шовинизма и ксенофобии, когда рядом живут более энергичные и предприимчивые люди. Тысяча лет российской цивилизации, если верить Гумилеву, прошли. Это – не пессимизм. Это – вызовы, на которые надо будет ответить.

Впрочем, может быть, все наоборот: новая демократическая Россия положит начало новой цивилизации, переживающей болезни наследия и рождения заново, которой еще только предстоит развитие на основе прилива энергии от обретенной свободы, которая либо будет развиваться самостоятельно, либо сольется с западной в силу близкого родства и общих вызовов. И это – не оптимизм, а всего лишь предположение, позволяющее понять, что современникам событий порой не дано угадать, на какой стадии развития или упадка находится их страна. Аэций, последний выдающийся римский полководец, одерживая победы, вряд ли думал, что он – последняя линия обороны гибнущей империи.

Аграрно-индустриальный переход

Для большинства развивающихся стран проблема преодоления отсталости и достижения для этого высоких темпов роста предстает, прежде всего, как задача индустриализации, перехода от преимущественно аграрной к преимущественно индустриальной экономике. Эту стадию Европа проходила с конца XIII века до середины XX века. Эта задача сейчас стоит перед Китаем и Вьетнамом – странами, которые порой ставятся в пример России как удачные случаи рыночных реформ под жестким контролем государства. Однако важно понять, что эти страны находятся на другой стадии развития и рецепты, пригодные для них, уже не пригодны для нас. Россия осуществила индустриализацию в 1928–1965 годах, когда промышленность превзошла сельское хозяйство по объему выпуска, а город – село по численности населения. Более того, в России произошла *переиндустриализация*. Мы не в состоянии эффективно использовать созданный в промышленности производственный капитал. Это и выявилось при переходе к рыночной экономике.

В свое время, накануне и в процессе «социалистической индустриализации», мы были пионерами теории аграрно-индустриального перехода. Напомним, что одним из первых теоретиков индустриализации за счет выкачивания ресурсов села был Е. Преображенский, причисленный за это к троцкистам. Бухаринская модель состояла в том, чтобы дать возможность хозяйству развиваться естественным путем: растущие доходы крестьян создавали бы спрос на промышленную продукцию, появлялись накопления, которые можно было бы вкладывать в промышленность. При этом рост оставался сбалансированным.

Преображенский предлагал альтернативную политику: через налоги, заниженные закупочные цены и завышенные промышленные цены изымать накопления из сельского хозяйства и направлять их на капиталовложения в промышленность. Тем самым он призывал нарушить равновесие, подтолкнуть миграцию рабочей силы из села в города и на стройки. Ясно, что сделать подобное без репрессивного нажима, раскулачивания и коллективизации как средства установления государственного контроля над сельским хозяйством и крестьянством было бы невозможно. В конечном итоге все это и было сделано без признания заслуг автора. Результаты известны: быстрый рост промышленности, упадок сельского хозяйства, от которого оно не может оправиться и сегодня, уничтожение крестьянства как класса, урбанизация.

В поздних работах западных авторов эти альтернативы в той или иной форме воспроизводятся. А. Хиршман в 1961 году предложил концепцию несбалансированного роста, нарушения пропорций ради мобилизации инвестиций. Похоже на Преображенского. Г.

Зингер в 1964 году, развивая идеи Хиршмана, доказал необходимость ускоренного развития в аграрной сфере посредством увеличения продуктивности сельского хозяйства и производительности труда в аграрных отраслях, развития традиционного экспорта и импортозамещения¹⁶. Похоже на Бухарина.

Взаимоотношения аграрного и индустриального секторов имеют и то значение, что первый во многих работах приравнивается к традиционному, натуральному, отсталому, некапиталистическому, тогда как второй – к современному, более производительному и динамичному, товарному, капиталистическому, хотя это достаточно сильное допущение. Тем самым индустриализация рассматривается как процесс развития, ускорения роста всей экономики.

К этому следует добавить, что аграрно-индустриальный переход, как уже отмечалось, сопровождается выделением социальной энергии, дающей сильный импульс развитию. Он содержит в себе потенциал «большого скачка», не раз наблюдавшегося. Хотя иногда этот потенциал не используется или используется не лучшим образом.

У.А. Льюис, получивший в 1978 году Нобелевскую премию за работы по аграрно-индустриальному переходу¹⁷, предложил двухсекторную модель для бедных густонаселенных стран типа Индии и Бангладеш, в которых промышленный сектор регулируется рынком, а зарплата в нем – предельной производительностью, тогда как в аграрном секторе господствуют традиционные институты, а оплата труда при его неограниченном предложении равна прожиточному минимуму. При этом работодателям выгодно привлекать рабочую силу из аграрного сектора и использовать трудоемкие технологии. Результат – рост промышленности, снижение аграрного перенаселения, но следом также снижение прибыли вследствие роста зарплат в аграрном секторе. Это похоже на то, что приходится сегодня наблюдать в Китае.

В свободной зоне Сямынь, что в провинции Фуцзянь, в 1994 году мы посетили фабрику по производству электробытовых приборов, принадлежавшую тайваньскому предпринимателю. Одинаковые приборы выпускались под марками всех известных мировых фирм – «General Electric», «Toshiba», «Philips» и т. д. У конвейера – китайские рабочие в аккуратных фирменных спецовках. На лестнице с первого по пятый этаж – плотная очередь юношей и девушек, как показалось, школьников. Как нам потом объяснили, это китайские крестьяне, просто щуплые и низкорослые в силу недостаточного питания, пришедшие наниматься на фабрику за заработную плату, равную 20% зарплаты рабочего на Тайване. Но это намного больше их дохода на рисовых плантациях. Для них работа в промышленном секторе, на фабрике, построенной иностранным инвестором – колоссальный скачок в уровне и образе жизни. Они держатся за работу, вкладывая в нее все свое старание. В этом один из секретов китайского экономического чуда, которое, однако, если верить выводам Льюиса, не будет продолжаться бесконечно.

Кроме перераспределения ресурсов из аграрного в индустриальный сектор, колоссальную роль для повышения темпов экономического роста играют аграрные реформы, устраняющие традиционные или государственно-ограничительные институты в сельском хозяйстве. Это показано в работах М. Тодаро, Ж. Лин и многих других¹⁸.

Особенно интересна для нас судьба аграрных реформ в Китае. Они проходили как бы в два этапа. I этап – слом традиционного аграрного строя, введение системы наподобие советской. Традиционный строй – помещичье землевладение, аренда земли крестьянами и другие, более феодальные формы – был разрушен повсеместным введением народных коммун с экономической организацией, близкой к модели Е. Преображенского. Закупочные цены на плановые и сверхплановые поставки были ниже рыночных. В конце 1970-х годов прошел второй этап аграрной реформы, ставшая основой китайского экономического чуда. Она включала реформу цен, институциональную реформу и реформу планирования.

Цены сначала были повышены, расширена номенклатура культур, к которым применялись повышенные цены сверхплановых закупок. Затем цены были в значительной степени освобождены. Институциональная реформа состояла в переходе от коллективных хозяйств к индивидуальным домашним хозяйствам. Доля последних выросла с 0,01 в 1979 году до 0,99 в 1984 году¹⁹. Реформа планирования состояла в резком повышении роли рынка и переносе планирования на региональный уровень. Основные направления реформ последовательно проводились и усиливались все последующие годы, хотя государственный контроль сохраняется и поныне. Тем не менее суть этих реформ состояла в предоставлении

крестьянам большей свободы, причем на почве, расчищенной от феодальных пережитков посредством переноса с 1950 года советских институтов. Китайская аграрная реформа похожа на наш НЭП, но с одной существенной поправкой: мы от бухаринской модели перешли к троцкистско-сталинской, а они, наоборот, к бухаринской, разумеется, со своей китайской спецификой.

Более чем убедительные результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3. Среднегодовые темпы прироста сельского хозяйства в Китае в 1952–1987 годах

За первые шесть лет реформы темпы выросли в 2,6 раза. Затем они упали, в частности из-за исчерпания силы импульса реформ и переноса его в другие сферы, в том числе в сельскую промышленность, а затем и в городскую. Возможно, свою роль сыграло и сохранение государственного контроля. Но дело было сделано: Китай избавился от постоянной угрозы голода, вся экономика получила мощный толчок, энергия аграрно-индустриального перехода была использована с толком. В отличие от нас.

Снижение темпов роста после 1984 года было связано с резким сокращением государственных субсидий к закупочным ценам, которые выросли с 18,4% расходов госбюджета в 1982 году до 24,6% в 1984 году. Кроме того, начался интенсивный отток рабочей силы из села в город.

Подведем итог. Использование энергии аграрно-индустриального перехода было одним из главных факторов успеха Китая и ряда других развивающихся стран, причем решающую роль играли аграрные реформы, либерализация аграрного сектора, в силу чего появилась возможность перераспределения ресурсов из аграрного в индустриальный сектор.

Мы не можем воспользоваться этим опытом, так как, во-первых, уже оказались на иной стадии развития. Индустриализация пройдена. Свои возможности аграрно-индустриального перехода мы использовали плохо: слишком медленное избавление от феодальных пережитков до революции; ограбление деревни и неудачные методы индустриализации вследствие тотального государственного контроля в советское время.

Изложенное позволяет сделать еще один вывод: много раз высказывавшиеся идеи о том, что рыночные реформы в России следовало начинать с сельского хозяйства, по примеру Китая, несостоятельны. Мы свой шанс упустили. Главный эффект дает предоставление свободы крестьянству. А у нас к 1992 году уже его не было. Свобода была предложена, как и земля. Но оказалось, что ее некому взять. Фермерство не пошло. Земельные и имущественные паи колхозникам пришлось навязывать, преодолевая их страх, равнодушие и сопротивление председательского корпуса. Земельный кодекс и закон об обороте сельхозугодий приняли в Государственной думе, да и то с большими уступками, уже в XXI веке.

Догоняющее развитие

Еще один привлекательный опыт успеха – модель «догоняющего развития», реализованная преимущественно в странах Восточной Азии – Японии, Южной Корее, Тайване, Гонконге, Сингапуре, Малайзии, Таиланде, отчасти Индонезии и Филиппинах, а также в последние 25 лет – Китае.

Хотя некоторые из этих стран использовали энергию аграрно-индустриального перехода, для большинства из них основным фактором роста был не он. Общие модели «догоняющего развития» таковы:

Исходные позиции. Бедность, неквалифицированная, дешевая, но качественная рабочая сила, воспитанная так называемой «рисовой культурой» (тщательность, систематичность, дисциплинированность), наличие запаса технологий, способных резко повысить производительность, либеральная внешнеторговая политика стран Запада, облегчающая проникновение на их рынки.

Политика:

- 1) освоение новых производств на основе импортных лицензий, привлечения иностранных инвестиций;
- 2) расширение экспорта осваиваемых изделий на основе низкой стоимости рабочей силы,

завоевание рынков низкими ценами при сравнительно высоком и последовательно улучшающемся качестве;

3) импорт капитала;

4) протекционизм, государственная поддержка экспорта и нововведений;

5) сдерживание роста потребления, стимулирование высокой нормы сбережений. В начале 1990-х годов норма сбережений составляла: в Тайване – 24%, Гонконге – 30%, Малайзии, Таиланде и Южной Корее – 35%, Индонезии – 37%. Сингапуре – 47%, Китае – 50% ВВП²⁰.

Результаты. В течение 20-25 лет поддерживаются высокие темпы роста, достигаются близкие к уровню развитых стран показатели ВВП на душу населения, осваивается производство высокотехнологичных продуктов (автомобили, электроника, телекоммуникационное оборудование, компьютеры), конкурентоспособных в передовых странах Америки и Европы. Развитие происходит в рамках индустриальной стадии. Начиная с какого-то момента с приближением постиндустриальной стадии наступает насыщение: темпы падают, перегнать развитые страны не удается.

Важные особенности. Во-первых, усилия концентрируются на продукции обрабатывающей промышленности. Как правило, в этих странах нет богатых месторождений полезных ископаемых, кроме Индонезии (нефть) и Малайзии (олово). Главный ресурс – рабочая сила, особенно на первых этапах, когда есть дефицит капитала. Во-вторых, высокое качество рабочей силы поначалу во многом связано с поддержанием традиционных полуфеодалных институтов и культуры, которые модернизируются в рамках крупных компаний, но сохраняются как инструмент мобилизации. Со временем недостаток капитала сменяется его избытком, а традиционные методы мотивации рабочей силы утрачивают эффективность. Молодое поколение не желает быть покорными трудоголиками, оно более образовано и хочет свободы.

В настоящее время в фазу насыщения вошли Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур. Но Китай и Вьетнам, где модель догоняющего развития дополняется аграрно-индустриальным переходом, находятся еще в фазе подъема. При этом Япония, сама догонявшая Запад в 1950-1970-х годах, затем взяла на себя роль регионального лидера.

Вопрос в том, можем ли мы воспользоваться этим опытом. Стоит обратить внимание на то, что несмотря на сравнительную простоту рецептов в других странах они не дали аналогичных результатов или же ими не стали пользоваться. Южная Азия (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка), несмотря на известный прогресс, не добились прорыва. В Латинской Америке только Мексика, Бразилия и Чили достигли серьезных экономических успехов, но отнюдь не столь впечатляющих. Нельзя сказать, что они догнали или в обозримом будущем догонят передовые страны. В лучшем случае нынешний разрыв между ними не увеличится. Это наводит на мысль, что достижения «догоняющего развития» в Восточной Азии в основном обусловлены спецификой их культуры, и ставит под сомнение возможность повторения эксперимента в иных условиях.

В. Иноземцев отмечает еще одно обстоятельство. В период наибольших успехов стран, реализовавших модель «догоняющего развития», они использовали открытость экономик стран Запада, получая на рынках этих стран средства для своего роста. Сейчас же, с учетом самодостаточности западных стран и ростом потребления в них в основном за счет продуктов постиндустриальной, информационной экономики, препятствием для догоняющего развития может стать возрастающая относительная закрытость западных рынков²¹. Это означает, по крайней мере, сокращение притока ресурсов на цели развития, в том числе и для тех, кто хотел бы воспользоваться удачным опытом коллег.

Тем не менее, насколько возможно, этим опытом не следует пренебрегать: экспортная ориентация экономики, привлечение иностранного капитала, настойчивое освоение производства конкурентных продуктов с высокой добавленной стоимостью – несомненно позитивные компоненты, заслуживающие заимствования всеми, кому это удастся, кто найдет подходящие ниши на рынках и сможет их заполнить.

Правительство Примакова

Теперь перейдем к обсуждению того, что нужно для роста и развития российской экономики после завершения I этапа трансформации.

Правительство Е. Примакова было первым с начала реформ, при котором начался экономический рост. Поэтому необходимо остановиться на том, каковы заслуги этого

правительства и его политики в достижении скорого результата.

Напомним события, приведшие к назначению Примакова на пост премьер-министра. Начнем издали.

Март 1997 года. Президент Ельцин вводит в правительство В. Черномырдина двух первых вице-премьеров – А. Чубайса с поста главы своей администрации и Б. Немцова с поста нижегородского губернатора. Правительство, несмотря на прежнего премьер-министра, окрестили правительством «молодых реформаторов». Они пытаются избавиться от опеки «олигархов», отделить власть от бизнеса. Медиамагнаты Б. Березовский и В. Гусинский развязывают против них информационную войну. Черномырдин втайне поддерживает связи с Березовским, поскольку чувствует себя ущемленным. По сути, медиамагнаты побеждают. А. Чубайс готовит свою отставку. Б. Немцов не признается пригодным к тому, чтобы встать во главе правительства. Его репутация также подмочена, в том числе Ельциным, который еще недавно намекал на него как на своего наследника.

Май 1998 года. Правительство Черномырдина, он сам и А. Чубайс отправляются в отставку. Кандидатом в премьер-министры по совету А. Чубайса и «семьи» выдвигается С. Кириенко. Начинается процедура утверждения его кандидатуры в Государственной думе. Коммунисты, образующие парламентское большинство, получают шанс повлиять на ход событий, поскольку от них зависит утверждение Кириенко. В конце концов его утверждают, но под угрозой роспуска Думы, возможного по Конституции после трехкратного неутверждения парламентом кандидатуры, предложенной президентом. Но все чувствуют напряженность ситуации, ослабление президента. Коммунисты морально в выигрыше.

Август 1998 года. Финансовый кризис, тяжелые решения правительства Кириенко, вызвавшие дефолт, девальвацию рубля, вспышку инфляции. Кириенко после кратких размышлений тоже отправляют в отставку. Снова нужно утверждать кандидатуру премьер-министра, снова левые получают шанс, причем уже на более благоприятных для себя позициях. Второй раз повторить процедуру типа проталкивания в премьер-министры Кириенко, снова угрожать парламенту роспуском – опасно, общественное мнение явно против.

Ельцин пытается вернуть Черномырдина, назначает его и. о. премьер-министра, тот начинает работу в Думе. В последний момент подконтрольные Ю. Лужкову депутаты голосуют против Черномырдина вместе с коммунистами. Г. Зюганов тоже отказывается от достигнутого было соглашения.

Создавшийся тупик чреват резким обострением политической обстановки, причем сразу после начала тяжелейшего экономического кризиса. Власть шатается. Нужно найти компромисс.

Г. Явлинский предлагает кандидатуру Евгения Примакова. Все чувствуют – это выход, позволяющий всем выйти из положения без явной потери лица. Глава внешней разведки, затем министр иностранных дел в правительстве Ельцина должен быть приемлем для президента. Может быть, не сложилась такая обстановка, он бы его никогда не назначил, поскольку не считал своим. Но выбора не было.

Коммунисты и другие оппозиционеры, включая Ю. Лужкова, готового начать президентскую гонку, также согласились поддержать кандидатуру Примакова, зная о его консерватизме и государственничестве. Уж он-то не станет продолжать либеральные реформы.

Так состоялось утверждение нового премьер-министра. Он взял на себя обязательство сформировать коалиционное правительство с участием коммунистов. Первым вице-премьером был назначен Ю. Маслюков. Другой министр-коммунист – Г. Ходырев, бывший первый секретарь Горьковского обкома КПСС. Оба не были ортодоксами, представляя собой скорее деятелей горбачевского призыва, с начала ельцинских реформ ставших членами КПРФ. Но, конечно, от них ждали не продолжения реформ, а умеренной реставрации. Кроме того, в правительстве Примакова пост аграрного вице-премьера получил Г. Кулик – известный лоббист интересов председательско-директорского корпуса в сельском хозяйстве. Из прежнего правительства на значимом посту остался только министр финансов М. Задорнов.

Мне приходилось не раз сталкиваться с Е. Примаковым и в Академии наук, и в правительстве. У нас были ровные, дружелюбные отношения. Будучи личным представителем президента по работе с «большой семеркой», я активно и к взаимному

удовлетворению работал с МИДом. Конечно, я представлял себе убеждения Примакова, но также знал и его политическое чутье и поэтому надеялся, что он не будет резко уклоняться от линии президента. И ошибся.

В день его назначения я позвонил Евгению Максимовичу, поздравил его и предложил свои услуги в любом качестве. «Да-да, конечно, спасибо!» – был ответ. Я спросил: «Правда ли, что первым вашим заместителем будет Маслюков?». Ответ был не просто утвердительным, но, я бы сказал, с металлом в голосе, с некоторым вызовом: «Да!». Для меня он послужил сигналом определенности: будет поворот, новый премьер убежден в том, что эра Ельцина кончается и ему суждено не просто стабилизировать ситуацию после кризиса, но и осуществить смену курса, давно вынашиваемую левыми политиками и академическими экономистами.

Пусть об этом скажет сам Е. Примаков. В написанной им после отставки книге «Восемь месяцев плюс...»²² под заголовком «Россия под псевдолибералами» сказано следующее (извините за длинную выдержку, но это лучше, чем мой пересказ, тем более что в данном случае мне трудно быть объективным).

«К середине 1998 года в России в полную силу развились процессы, которые толкали страну в пропасть. Падало производство, росла безработица, месяц от месяца накапливались долги – по заработной плате бюджетников, денежному довольствию военнослужащих, пенсиям. Забастовки не только захлестывали страну, но принимали все более опасный характер – уже в мае забастовщики начали перекрывать важные железнодорожные и автомобильные магистрали, подвергая угрозе закрытия все еще работающие предприятия. Когда я пришел в Белый дом, на его пороге сидели шахтеры, разбившие здесь палаточный лагерь и стучавшие периодически касками по асфальту, – они требовали выплаты заработной платы. Начал "расшатываться" установленный Центробанком валютный коридор, в пределах которого мог колебаться курс рубля. Угроза взрывного роста цен становилась все более ощутимой.

Есть все основания считать, что это было закономерным результатом курса экономического развития России начиная с 1992 года. Лица, принявшие тогда на себя ответственность за экономическую политику России, как правило, величали себя "либералами", подчеркивали свою связь с «чикагской школой», некоторые представители которой получили на Западе широкое признание и даже были удостоены Нобелевской премии.

Современный либерализм как направление экономической мысли, если говорить тезисно, проповедовал и проповедует свободную конкуренцию при минимальном вмешательстве государства в деятельность хозяйствующих субъектов. Это сводит функции государства к решению вполне определенных и ограниченных задач: снижение налогового бремени, поддержание равных для всех условий конкуренции, что в конечном итоге должно способствовать тому, чтобы предприятия и население сами оптимально распоряжались своими доходами. В свою очередь это призвано расширить внутренний рынок, что создает импульс для развития производства и сферы услуг.

Однако матрица либерального подхода к экономике – так показывает международный опыт – никогда не может сугубо универсально накладываться на "пульсирующую" реальную действительность той или иной страны – без учета ее специфики, истории, уже встроженных в экономику государственных структур.

Доморощенные "либералы" все это в России проигнорировали. Параллельно с разрушением существовавшего хозяйственного механизма они провели шоковую либерализацию цен, приватизацию ради приватизации, так как во главу угла были поставлены ее масштабы, а не связь с ростом эффективности производства. Открытие экономики страны произошло одновременно: внутренний рынок был распахнут перед жесточайшей мировой конкуренцией, причем вопрос о способности российских предприятий выжить даже не рассматривался. А ведь приспособление отечественного производителя к новым условиям требовало не только принятия соответствующих мер, стимулирующих модернизацию производства, но и снятия внешнеторговых барьеров постепенно, плавно, чтобы дать предприятиям время на оздоровление своей деятельности.

Создание рыночной инфраструктуры осуществлялось, мягко говоря, своеобразными методами. Ярким примером могут служить манипуляции с государственными казначейскими обязательствами (ГКО). Не кто иной, как Минфин, размещал бюджетные средства на беспроцентной основе в избранных коммерческих банках. Банки, в свою очередь, за

государственные – хочу это особо подчеркнуть – деньги скупали ГКО. Баснословные прибыли доходили до 150-200% годовых. Эти же средства также использовались для дешевой скупки высоколиквидных государственных предприятий. Таким образом, государство лишалось не только собственности, но и финансовых ресурсов. Огромные суммы были вывезены на Запад и осели на счетах, в том числе и коррумпированных чиновников, пособничавших такой "технологии".

Развитие рынка ценных бумаг, безусловно, важное и необходимое условие становления рыночной экономики. Но только в том случае, если этот рынок становится инструментом привлечения внутренних и внешних инвестиций в развитие производства. У нас же капитал ушел на высокодоходный рынок ГКО и практически отвернулся от финансирования российской промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства. Он выступал главным образом в краткосрочной спекулятивной форме. Произошел значительный спад производства и готовой продукции в России. Под ударом оказались люди в первую очередь с низкими доходами. Это больно сказалось и на процессе формирования среднего класса.

Иногда ссылаются на пример 1997 года, представляя его чуть ли не переломным, более того, результатом предшествовавшей "правильной экономической политики". Действительно, в первой половине 1997 года произошел рост курса акций, сопровождаемый снижением доходности ГКО до 25-30%. В результате остановилось падение производства. Но уже с осени 1997 года начался обратный процесс снижения курса акций и сильного повышения ставок рефинансирования – до 60%. Доходность ГКО одновременно повысилась до 60-100%. Сыграло свою роль падение мировых цен на нефть. Но не обошлось и без сговора участников рынка государственных ценных бумаг. К июлю 1998 года спад промышленного производства достиг рекордной с 1994 года цифры – 9,4%!

Я не думаю, что с самого начала авторы курса на "шоковую либерализацию" руководствовались корыстными интересами. Е.Т. Гайдар, например, возглавивший этот курс в России, прошел через серьезную эволюцию от содержательных, смелых по тому времени статей, опубликованных в горбачевский период и посвященных преобразованию существовавшей экономической системы, до вывода о необходимости ее ликвидировать без тесной, органичной увязки с созданием подлинно рыночных инфраструктур, с тем, чтобы отмирание старого способствовало рождению *здорового* нового. "Цель оправдывает средства" – этот большевистский лозунг хоть и не провозглашался открыто, но отражался в полном равнодушии в отношении непомерных издержек, неисчислимых трудностей и людских страданий. Главное виделось в том (я считаю, что, во всяком случае, Гайдар по-своему честно видел главное в такой цели реформы), чтобы пройти точку "возврата". А что будет за этой "точкой", его и его сподвижников мало интересовало. Все, дескать, "уляжется".

Само собой курс реформ, несомненно, способствовал появлению среднего класса, предпринимательской социальной прослойки. Однако, будучи осуществляемым в весьма специфической форме, он еще в большей степени инициировал невиданно быстрое обогащение кучки людей — впоследствии некоторых из них назвали в России олигархами²³. Им удалось буквально за считанные годы сколотить миллиардные состояния прежде всего на эксплуатации богатейших сырьевых ресурсов России. Казалось бы, все, что от Бога, должно принадлежать всему обществу. Лоббируя интересы "кучки олигархов", псевдолибералы перераспределили в их пользу российские сырьевые богатства. Поддержка олигархам обеспечивалась при приватизации: победитель "конкурса" определялся заранее; под предлогом необходимости закрыть дыры бюджета, государственное имущество переходило в его собственность по явно заниженной цене.

Олигархи в свою очередь делали все, чтобы и дальше сохранить у власти тех, кто помогал им "снимать сливки", а не честно зарабатывать на росте производства, развитии сферы услуг. Они протянули щупальца в окружение Ельцина, способствовали его переизбранию в 1996 году и в результате сами или через своих представителей непосредственно участвовали в выработке выгодной им экономической и кадровой политики.

Е. Гайдар в книге "Государство и эволюция" обосновывал необходимость "обмена власти на собственность". Итогом курса, проводимого в 1990-е годы, стал не отход от власти в "обмен" на собственность, а сращивание государственной власти с собственностью уже на новой, посткоммунистической основе. Процесс этот, в конце концов, в наиболее контрастном виде проявился в непосредственном окружении президента, который, не исключая этого, возможно, и не был посвящен во все детали.

Стало очевидно, что те, кто в 1990-е годы формулировали и проводили в жизнь экономический курс России, отнюдь не отказались от совершенно несвойственных, а подчас и противоположных либеральному подходу целей и методов. Среди них в первую очередь высокие налоги. Не обошлось и без государственного вмешательства, но прямо противоположного решению задачи создания равных условий конкуренции для всех хозяйствующих субъектов. Вместо этого властью осуществлялась выборочная поддержка отдельных предприятий путем установления эксклюзивных экспортных квот, особенно на нефть, освобождения от уплаты таможенных пошлин, налоговых льгот, скидки отдельным перевозчикам по линии МПС, предоставление целевых кредитов и так далее. Все это не имело ничего общего с поощрением тех, кто находится на острие научно-технического прогресса, или на первых порах тех, кто вкладывает средства в производство остро необходимой обществу продукции.

По признаку близости к власти имущим предоставлялись государственные кредиты и другие привилегии коммерческим банкам, получающим право обслуживания государственных программ, в том числе таких масштабных и прибыльных, как, например, торговля оружием.

Финансирование дотационных районов России – а к моменту назначения нашего правительства таких было 83 из 89 – осуществлялось из федерального бюджета на основе субъективных решений центральных властей. Так, например, я был ошарашен, узнав, что среди группы "депрессивных" территорий числится город-курорт Сочи, где отдыхает высшее руководство страны, и в этой же группе отсутствует Брянская область, население которой в наибольшей степени пострадало от чернобыльской трагедии.

Положение усугубилось "мягким" отношением к неоправданным бюджетным расходам. Достаточно назвать цифру представителей различных министерств, ведомств, центрального правительства в субъектах Федерации (не считая правоохранительных органов) – более 300 тыс. человек, не только получающих зарплату из федерального бюджета, но и использующих оплаченный автотранспорт, квартиры и так далее и тому подобное.

Акцент на макроэкономическую политику для российских либералов был скорее самоцелью. Во всяком случае, макроэкономическое регулирование не служило созданию условий для развития реальной экономики (производство падало), не приводило к позитивным сдвигам в социальной области (жизненный уровень населения снижался, не были начаты реформы здравоохранения, пенсионной системы). Характерен такой пример: в рыночной экономике считается, что снижение инфляции до 30-40% предполагает оживление производства, рост инвестиционной активности. У нас уровень инфляции был значительно ниже этой пороговой цифры, а производство продолжало падать.

Естественно, все это усиливало социальную напряженность. Либералы пытались "выпустить пар", прибегая к займам из-за рубежа, которые превратились в незаменимую подпорку уродливой экономики, по сути посадили всю страну "на иглу".

В целом реформы так называемых либералов дорого обошлись России. Была создана модель экономики, которая характеризовалась дисбалансом между отечественным производством и потреблением. Страна существовала главным образом за счет экспорта сырья и импорта продовольствия и готовой продукции. В результате низких масштабов загрузки мощностей предприятий резко сократилась отдача основного капитала и его реальная стоимость. Потребности развития не покрывались инвестициями, уровень которых оставался крайне низким, не обеспечивающим даже простого воспроизводства основного капитала и пополнение собственных оборотных средств. В таких условиях особенно болезненно сказалась достигшая огромных масштабов утечка российских капиталов за границу, многократно превысившая внешние заимствования.

Натурализация, низкий уровень денежного обращения стали отличительной чертой хозяйственных связей. Нужно сказать вполне определенно, что курс, принятый псевдолибералами в области экономики, дал простор коррупции, экономическим преступлениям, произволу государственных чиновников».

Не буду обсуждать в деталях этот отрывок, он представляет широко распространенный, я бы сказал обыденный взгляд на десятилетие реформ, в котором справедливые замечания перемешаны с ложными. Чего стоят хотя бы упрек либералам, что они отступили от либеральных принципов, поддерживая высокие налоги. При этом ни слова о том, что в фазе макроэкономической стабилизации необходимо было сбалансировать бюджет.

Констатирую несколько моментов, важных для понимания экономической политики Примакова и того, что от нее можно было ожидать.

1. Весь трансформационный кризис и кризис 1998 года – исключительно результат курса «псевдолибералов».
2. Примаков не против рыночных реформ, но не таких, не либеральных, не шоковых, полностью становясь в ряд консервативных академических экономистов. Недаром высшим авторитетом для него был академик Д. Львов, на него он ссылался в оценке ущерба от решений 17 августа, согласно которым страна оказалась отброшена на пятнадцать-двадцать лет назад²⁴.
3. На деле же ошибками, по его мнению, были «шоковая» либерализация цен, «приватизация ради приватизации», открытие экономики. Стало быть, Примаков был против реформ по существу. Им он противопоставляет одну альтернативу – плавные, постепенные преобразования.
4. Макроэкономическая политика, по его мнению, стала для «псевдолибералов» самоцелью. Они не смущались отступлением от либеральных принципов, введя высокие налоги, чтобы сбалансировать бюджет, нанося тем самым урон отечественным товаропроизводителям, не принимали во внимание социальные проблемы, обнищание населения.

5. Главное, что Примаков ставил в вину реформаторам-«псевдолибералам» – нездоровое и даже преступное обогащение кучки «олигархов» при попустительстве государства и за его счет. Можно понять пафос Евгения Максимовича в этом пункте и даже разделить его. Но в то же время эти обвинения показывают, что Примаков не может или не хочет взять в расчет реальную социально-политическую обстановку революционного перехода, меру управляемости им. У него не находится ни одного слова критики в адрес представителей номенклатуры, как известно, доминировавших во власти. Еще бы, он сам из ее рядов.

Так новое правительство оценивало предшествовавший период. Теперь о программе.

1. Никакой программы, которую можно опубликовать и прочитать. Она немедленно стала бы объектом нападок. «Система подходов» – да! Конкретные меры – да! Но «не набор положений, объединенный в наукообразный документ»²⁵.
2. Никакой публичной критики предшественников. Было бы легко искать поддержку в обществе, обрушившись на авторов «шоковой терапии». Правильная линия и с точки зрения стабильности власти, и с позиции укрепления собственных позиций, учитывая взгляды и личные особенности Б. Ельцина. Разбор полетов не снимается с повестки дня, но лучше отложить его на потом.
3. Никакого возврата в «светлое прошлое». Движение назад от курса реформ недопустимо. Подчеркнуто: «от курса, а не от конкретно проводившейся до нее практики». Выше говорилось именно о пагубном курсе.
4. Несмотря на негативный характер приватизации, не призывать к огульной ее отмене. Приватизированные предприятия, которые хорошо работают, даже если их владельцы «урвали» собственность, не трогать. Но если они работают плохо, рабочие увольняются, им не платят зарплату, а в бюджет – налоги, тогда на законных основаниях можно сменить собственника. Для начала же «прихватизацию» остановить.
5. Макроэкономическая политика требует преемственности, но нуждается в коррективах. Ее нужно подчинить стабилизации и развитию на микроэкономическом уровне.
6. Необходима социальная ориентация реформ, чтобы не допустить отката назад, в то время, по мнению Примакова, вполне реального.
7. Добиться этого за счет усиления экономической роли государства без свертывания рыночных процессов. «России предстоял выход из серьезнейшего кризиса. Сам по себе рынок и только рынок, страну из этого состояния вывести не мог»²⁶. Запомним эти слова, поскольку именно рынок, а не правительство Примакова, вывел страну из кризиса. Сколько раз говорили, не надо торопиться с мемуарами!

В подтверждение тезиса и «новый курс» Ф. Рузвельта, и даже Л. Эрхард, казалось бы, записной либерал, который «выкручивал руки» крутым немецким предпринимателям²⁷. И

конкретно о роли государства: «Жесткий контроль за формированием доходной части и расходами бюджета, соблюдением всех государственных обязательств, а также за управлением государственным сектором, использованием государственной собственности; выработку и осуществление мер против злоупотреблений в сфере приватизации, махинаций, связанных с лжебанкротством предприятий, противозаконных переводов денежных средств за рубеж; создание условий, в которых российские банки становятся заинтересованными вкладывать капитал в отечественную промышленность и сельское хозяйство; привлечение в российскую экономику, преимущественно в реальный ее сектор, иностранных инвестиций».

8. Поддержка российского производителя методами таможенной и налоговой политики, защита интересов российского бизнеса при подписании контрактов с иностранными партнерами, чтобы большая часть работ по совместным проектам исполнялась отечественными компаниями.

9. Увеличение государственного финансирования фундаментальной науки. Концентрация государственных усилий на сокращении времени прохождения фундаментальных открытий через прикладные исследования к практическому внедрению, в противовес «реформаторам», которые решили погрузить науку в рынок и смотреть, кто выживет²⁸.

Как «система подходов» эта программа вроде бы и споров не вызывает. Чувствуется желание не дать поводов для критики либералов. Но хочу заметить: роль государства, поддержка отечественного производителя, науки, решение социальных проблем есть, а реформ нет. Может быть, мы уже все сделали, осталось только переделывать? Как выразился сам Примаков – «реформировать реформы».

Дела. Ну, это намеки на программу, которую, может быть, сложись иначе обстоятельства, удалось бы реализовать. А каковы дела за восемь месяцев пребывания у власти?

Не только у самого Примакова и близких к нему людей, но и у многих соотечественников, находящихся на расстоянии от коридоров власти, существует, видимо, представление о том, что именно правительство Примакова спасло Россию от кризиса и привело к экономическому подъему. На самом деле это не так.

Справедливость требует сказать о его действительных заслугах.

Во-первых, Примаков был выдвинут как фигура, способная разрешить политический конфликт между коммунистами и Ельциным, позволяющая каждой стороне сохранить лицо, облечь в некую удобоваримую формулу сдвиг влево и поражение Ельцина вследствие им же допущенных ошибок. Примаков выполнил свою миссию, политическая стабилизация состоялась, хотя бы на время. И это важно. Другой человек вряд ли смог бы решить эту задачу.

Во-вторых, Примаков, не будучи монетаристом или, упаси Бог, либералом, проводил столь жесткую финансовую политику, что удержал страну на грани гиперинфляции, не допустил срыва финансовой стабилизации, достигнутой его предшественниками. В этом ему несомненную помощь оказали М. Задорнов, оставшийся министром финансов, и «новый–старый» председатель Центрального банка В. Геращенко. Эмиссия была, но в объективно необходимых, оправданных размерах. Конечно, помогала и безвыходность ситуации: кредитов больше не давали, а подходило время расчетов по ранее взятым займам. Сыграла свою роль и девальвация – рублевые долги обесценились, люди потеряли до 30% своих реальных доходов, но радовались, что уцененные зарплаты и пенсии стали платить вовремя. Левая, впервые дружественная правительству Государственная дума приняла жесткий бюджет. И при всем этом спасение финансовой системы – несомненная заслуга Примакова. 84% годовой инфляции после такого кризиса – это хороший результат.

Не случайно А. Илларионов, либеральный советник президента, расточал ему похвалы: не либерал, а, поди ж ты, почище иных либералов проводил либеральную политику. На самом деле либерализм тут ни при чем, не надо шить Примакову одежды, которые ему не нравятся. А монетаризм – да, тут никуда не денешься. И спасибо большое за то, что в трудную минуту не поддался эмоциям или дурным советам друзей-академиков, а сделал то, чего требовал здравый смысл и «страх божий» перед инфляцией, об опасности которой каждый день твердили враги-либералы.

В-третьих, Примаков – человек честный, независимо от взглядов, – был жестко настроен против расхитителей государственных средств, пользовавшихся близостью к власти. И

начал действовать против них. Он открыл «военные» действия против Б. Березовского, в итоге обрел сильного врага и это, несомненно, ускорило его отставку. И даже не очень успешные действия против коррупции и «олигархии» заслуживают поддержки и признания.

Теперь стоит посмотреть, что считал самым важным в делах своего кабинета сам Примаков. Обратимся снова к его книге «Восемь месяцев плюс...»²⁹.

В области сельского хозяйства:

1. Для обеспечения снабжения продовольствием вследствие сокращения импорта были снижены таможенные пошлины по семи критическим позициям. Потребовали от губернаторов снять барьеры для торговли. Договорились с США об «обязательных» закупках американского зерна. Все это заслуги аграрного лоббиста Г. Кулика. Примаков не пишет о скандальной истории с «гуманитарной помощью», которая закрывала для наших сельхозпроизводителей окно возможностей, открывшееся после кризиса для увеличения производства в аграрном секторе. Паника вокруг угрозы голода была, по всей видимости, искусственно раздута в интересах тех, кто намеревался торговать «гуманитарными» продуктами.
2. Наряду с этим поддерживались отечественные производители: на 50% был снижен тариф на перевозки ряда сельхозпродуктов, сокращен НДС на продовольствие. Регионы обязали погашать ссуды продовольствием.
3. Увеличили поставки минеральных удобрений селу: выделение льготных кредитов, снижение стоимости удобрений за счет снижения цен на энергию и энергоносители на 50%, тарифов на перевозки – на 30%. При этом снова стали рентабельными тепличные хозяйства.
4. Горюче-смазочные материалы стали продаваться сельхозпроизводителям по «рекомендуемым» ценам и с льготным кредитованием.
5. Было принято постановление о лизинге машиностроительной продукции в АПК. Не первое в длинном ряду. Лизинговая компания – государственная, главный получатель средств – «Ростсельмаш».

Можно поздравить Г. Кулика, его деятельность на посту аграрного вице-преьера по определенным критериям была сверхэффективной. Лоббист №1 российских реформ – заслуженное им звание.

В области погашения задолженности по заработной плате и пенсиям:

Речь шла о действительно тяжелейшей проблеме, с которой не смогли справиться Черномырдин и Кириенко. Примаков преодолел ее во многом потому, что после дефолта бюджетные средства можно было бросить не на обслуживание долгов по ГКО, а на выплаты зарплаты бюджетникам, денежного довольствия военным, пенсий. Причем, как отмечалось, выплаты производились в номинальных суммах, значительно обесцененных, правительство до предела возможностей воздерживалось от индексаций и компенсаций. И правильно делало. Но просто потом не стоило подчеркивать свои чрезвычайные заслуги в резком повышении аккуратности выплат зарплаты и погашении задолженности по ней.

6. Тем не менее к 1 декабря 1998 года были погашены долги по стипендиям, а к 1 января 1999 года – перед военными. Губернаторов обязали тратить на зарплату бюджетников до 40% доходов своих бюджетов с угрозой перевода их на казначейское исполнение в случае нецелевого использования трансфертов.
7. Была проведена проверка налоговой полицией семидесяти тысяч предприятий на предмет выявления уклонения от уплаты налогов и отчислений во внебюджетные фонды за счет использования серых схем расчетов по оплате труда.

В области реструктуризации банковской системы:

Конечно, главные заслуги В. Геращенко, в основном, в текущей работе ЦБ по поддержке работоспособных банков и отзыву лицензий у «финансовых бомжей».

8. Было создано Агентство по реструктуризации кредитных организаций (АРКО). За три года

АРКО реализовало 15 проектов по оздоровлению 21 банка с выделенным капиталом в 19 млрд. руб. По словам руководителя АРКО А. Турбанова это удалось сделать потому, что в начале до них еще не доходили руки правительства, а потом – уже не доходили. Теперь МВФ присылает в АРКО представителей других стран для изучения опыта реструктуризации банковской системы без средств.

Важно отметить и курс на повышение роли государственных банков. Сам Примаков отмечает: «... Определение соотношения государственного и частного капитала в банковской системе не является самоцелью». Но «государство – и это главное – должно иметь в своих руках реальные рычаги»³⁰.

В области инвестиций:

9. Был сформирован Бюджет развития с включением в него всех инвестиционных ресурсов, создан государственный Банк развития «для финансирования производства продукции, пользующейся большим спросом на внутреннем и внешнем рынках»³¹. Реализовывались программные установки КПРФ, хотя аналогичные предложения были внесены в правительство министерством экономики еще в 1996 году.

10. Использование взаимозачетов, вопреки мнению МВФ и прежней практике. Здесь Е. Примаков проявил неосведомленность. Взаимозачеты использовались и ранее. А. Чубайс, который, по его мнению, «повернул на 180 градусов» в этом вопросе, став главой РАО «ЕЭС», на самом деле, борясь с взаимозачетами, все же в конце 1997 года пошел, вопреки указу президента, на взаимозачеты в размере 40 млрд. рублей по так называемой «обратной схеме»: расчеты начинались с министерства финансов, что позволяло ограничить злоупотребления. При Примакове просто продолжили эту практику.

11. Штрафы и пени стали пересчитываться с целью сокращения задолженности предприятий перед бюджетом.

Опять же, уже правительство Кириенко, по моему настоянию, приняло решение о пересчете штрафов и пеней с пятикратным сокращением. Правительство Примакова лишь увеличило эту цифру до семи раз.

В области налогообложения:

12. Начались дискуссии о сокращении налогов, инициированные Г. Боосом. Его предложения касались, прежде всего, сокращения НДС с 20 до 10%.

Я выступил со статьей «Бойтесь Бооса», обращая внимание на то, что снижать налоги надо, но не следует начинать с НДС – самого надежного налога, особенно в условиях бюджетного кризиса.

Примаков повысил ставку до 14%, потом добавил еще 1% на Вооруженные силы. В конечном итоге при Примакове эти предложения реализовать не удалось.

Кириенко тоже хотел сократить налоги. Но до кризиса главной проблемой был дефицитный бюджет. МВФ требовал, и не без резонов, его сбалансировать. Обещания сторонников Лаффара, что со снижением налогов вырастет их собираемость, естественно воспринимались с недоверием.

13. Борьба с неплательщиками налогов. Вскрытие «аферы с песком» на «Автовазе» и принуждение его к дополнительной эмиссии акций для передачи государству 50%+1 голос за неуплаченные налоги.

Повышение собираемости налогов действительно началось, в том числе и потому, что Чубайс выбивал денежную оплату энергии из своих клиентов.

14. Введение государственного контроля над производством и торговлей алкоголем, ограничение импорта этилового спирта. Введение квот на его непищевое потребление. Сокращение числа оптовых баз. Создание Межведомственной комиссии во главе с заместителем министра МВД В. Васильевым. В итоге повышение сбора налогов с алкоголя за два месяца в полтора раза.

В области управления госсобственностью:

15. Была запрещена продажа очередных 25% акций «Связьинвеста».

16. Проведена кампания по смене представителей государства в АО с государственным участием.

17. Региональные и муниципальные органы были привлечены к управлению госпредприятиями, когда это эффективно.

Примаков ссылается на то, что в этом деле его поддержали Тулеев и Лебедь. Еще бы! Губернаторы спали и видели, чтобы им передали государственную собственность, дополнительный источник доходов и власти. Давно известно, что они, по преимуществу, не были сторонниками приватизации.

18. Было отменено постановление правительства Кириенко об ускоренном банкротстве. Оно было принято для повышения эффективности банкротства как инструмента реструктуризации, поскольку действующий закон на практике превращал банкротство в способ ухода от ответственности. Конечно, ускоренные банкротства вели к злоупотреблениям, в том числе к захвату собственности. Но Примаков отменил их не по этой причине. Его любили «красные директора». Они устроили ему овацию на съезде РСПП осенью 1998 года. И он должен был ответить им взаимностью.

Таковы 18 важнейших дел правительства Примакова. Не буду комментировать их направленность. Зададимся одним вопросом: могли ли эти 18 дел вывести российскую экономику из кризиса, вызвать в ней оживление?

Конечно, вода камень точит. Список можно увеличить. Можно сказать, что большие результаты достигаются, когда число малых дел достигает критической массы. И все же мы должны признать: подъем в российской экономике начался при Примакове, но его заслуги в этом не так уж велики. Они связаны, как отмечалось, с политической стабилизацией, с жесткой бюджетной политикой и, отчасти, с противодействием коррупции и «олигархии».

Главные же факторы начавшегося роста таковы:

1. Дефолт снял с бюджета колоссальную нагрузку непосильных обязательств и позволил возобновить финансирование непроцентных расходов по важнейшим статьям.
2. Девальвация рубля повысила конкурентоспособность экспорта, привела к сокращению импорта и открыла рынки для отечественных производителей.
3. Либеральные реформы привели к формированию в России сильного частного сектора, адаптированных к рынку компаний. Как только у них появились возможности развития, они ими воспользовались, оперативно заполнив образовавшиеся бреши, нарастив производство и экспорт. К тому же потери населения вследствие кризиса снизили издержки и увеличили прибыль предприятий. Таким образом эти компании поправили свое финансовое положение, смогли лучше платить налоги.

Все это факторы, свидетельствующие о том, что сработали запущенные ранее рыночные механизмы. Кризис сделал то, на что не могло, да и обычно не может, решиться никакое правительство. Говорят, «на рынок полагаться нельзя», а на деле полагаться можно только на него. Или, по крайней мере, в большей степени, чем на правильную государственную политику.

И последнее. Вдумавшись в программу Примакова, в содержание его воззрений, в его практические дела во главе правительства, нетрудно понять, что на этом пути невозможно поднять страну, обеспечить рост и развитие. В этой политике нет идеи, нет миссии, кроме одной, – исправить сделанное «псевдолибералами», повысить роль государства. Может быть, практическая реализация этой политики продолжалась слишком недолго, чтобы все убедились в ее несостоятельности. Но это и хорошо: хватит нам учиться на своих ошибках.

Возможно ли русское экономическое чудо?

После завершения I этапа реформ, после несостоявшейся попытки Примакова изменить курс экономической политики, после прихода к власти В. Путина вопрос о возможностях возобновления роста, намерении упущенного и разумных границах выбора политики, способной решать эти задачи, снова оказался в повестке дня.

Обратимся к теории вопроса и практическому опыту, чтобы приложить их к конкретным

условиям России начала XXI века. Рассмотрим отдельные факторы.

Природные ресурсы. Россия, страна с огромной территорией, исключительно богата природными ресурсами.

Сельскохозяйственные угодья занимают 221,1 млн. га (12,9% общей площади). Пахотные земли – 119,7 млн. га, (7,5% общей площади). Для сравнения в США пашня занимает 176,8 млн. га (19,3%), в Китае – 124,0 млн. га (13,3%)³². При всех превратностях климата на основе современной агротехники можно не только прокормить свое население, но и иметь крупный аграрный экспорт.

Лес – важнейший воспроизводимый ресурс. Россия обладает 774,3 млн. га лесопокрытой площади с запасами древесины 81,9 млрд. куб. м.³³ и занимает по этому показателю первое место в мире. Вместе с Бразилией мы – легкие Земли.

Наличие питьевой воды становится серьезной проблемой для многих стран, но не для России. Речной сток, образующий основу водных ресурсов, составляет в среднем 4,3 тыс. куб. км в год, забор из природных источников – 86 куб. км, 2% этой величины. Крупнейший в мире резервуар пресной воды – озеро Байкал – 23 куб. км. В России на душу населения приходится примерно 31 тыс. куб. м воды. Для сравнения: во Франции – 3,3 тыс., в Германии – 2,2 тыс., в США – 8,9 тыс., в Китае – 2,3 тыс. куб. м.

Россия богата запасами топлива и энергии. Наряду с Саудовской Аравией, она является крупнейшим экспортером нефти и без конкурентов крупнейшим экспортером газа, располагающим 32% мировых запасов.

У нас богатые запасы черных и цветных руд, редкоземельных металлов, позволяющие обеспечить потребности страны и поставлять на экспорт едва ли не всю таблицу Менделеева. Из важных видов сырья мы импортируем в значительных масштабах только алюминиевое сырье (бокситы). У нас богатейшие запасы алмазов.

В общем, наши природные ресурсы не лимитируют развитие. Напротив, часто говорят о том, что природа нас балует, позволяя жить за счет ренты, не прилагая серьезных усилий и напряжения, как это приходится делать народам других стран, которых природа обделила. Во всяком случае, сколько бы ни было природных богатств, сами по себе источником развития они быть не могут. Тем более что спрос на сырье на мировых рынках относительно сокращается.

Труд. В настоящее время население России сокращается, и этот процесс будет продолжаться по меньшей мере до 2015-2020 годов³⁴. До 2006-2007 годов трудовые ресурсы еще будут расти, нагрузка на одного трудоспособного (в возрасте 15-65 лет) пока благоприятная. Прогнозируется ее сокращение до 2035 года, после чего она будет возрастать до 60-80 человек на сотню трудоспособных. В 1965 году этот показатель составлял 57 человек, в 2000 году ~ 44 человека.

В общем, избытка трудовых ресурсов, который мог бы обеспечить «большой толчок» в духе Р. Харрода и Х. Лейбенштейна при условии масштабного притока капитала в России не будет. Экстенсивные факторы роста, таким образом, в отличие от советской эпохи, перекрыты с самого начала. Напомним, что государство обычно может играть существенную роль в стимулировании роста (кроме модели догоняющего развития) только при наличии экстенсивных факторов (труд и природа).

Капитал. Социалистическая индустриализация создала огромные основные фонды. Резервы использования наличных мощностей вызывают споры, к которым мы обратимся ниже. Но очевидно, что полностью их задействовать невозможно. Далеко не все они пригодны для выпуска пользующейся спросом конкурентоспособной продукции. Бесспорный пример – мощности оборонной промышленности. Плановая экономика, игнорировавшая спрос, именно в структуре основного капитала создала наибольшие диспропорции.

Сейчас они составляют даже психологическую проблему: трудно смириться с бесполезностью колоссальных фондов, создание которых поглотило столько ресурсов; согласиться с их низкой оценкой по способности приносить доход в современных условиях. Если же учесть расходы по их поддержанию и/или утилизации, то значительная их часть получит отрицательную денежную оценку.

Кроме некоторых отраслей, требуется практически полное обновление основного капитала. Но, учитывая спросовые ограничения и структурные сдвиги, почти все инвестиции должны направляться не на прирост производства, а на обеспечение качества, повышение эффективности и производительности, реализацию инноваций.

Капитал для инвестиций в принципе можно привлечь. Он есть в стране: норма сбережений пока держится на уровне 30-33% ВВП. Свободные средства есть и за рубежом. Но для инвестирования нужны условия, которые объединяются понятием «благоприятный инвестиционный климат». О нем речь впереди, а сейчас важно отметить, что его ключевые характеристики в первую очередь определяются характером институтов, и только отчасти текущими, конъюнктурными факторами.

Человеческий капитал. Традиционно считается, что Россия обладает сильным человеческим капиталом вследствие хорошей постановки образования и подготовки кадров еще с советских времен. Я бы еще отметил массовую склонность к техническому творчеству, изобретательству.

Но есть серьезные негативные моменты, в том числе низкая дисциплинированность на работе, недостаток тщательности в исполнении. Эти и другие минусы напрямую связаны со спецификой советской экономики и господствовавшего тогда стиля управления, характерного для нее чрезвычайного ослабления трудовых мотиваций. Эти недостатки не изжиты и сегодня. Даже предприниматели зачастую относятся к ним примирительно, хотя формирование высоких качеств работника в их интересах; это, если хотите, их социальная функция.

Следует иметь в виду, что трудовые ресурсы многослойны. Если большинство западных бизнесменов, работающих в России, высоко отзываются о нанятых работниках, то это потому, что, предлагая более высокую для России оплату, они привлекают работников верхнего слоя. Чем дальше, чем шире будет круг предприятий с современными стандартами труда и его вознаграждения, тем острее будет обнаруживаться дефицит хороших, дисциплинированных и квалифицированных работников. Пьющих, но в меру.

Тем не менее мы можем рассчитывать на человеческий капитал, если будут предприняты необходимые условия для его сохранения и развития. Эти условия в основном связаны с институтами. Конечно, нужно выделять больше средств на науку и образование. Но все же главное – поведение людей, их мотивации, требовательность работодателя к работнику в отношении качества и производительности и требовательность работника к работодателю в отношении своих законных прав вместо внешней покорности в сочетании с халатностью и воровством.

Нововведения. Они важны, потому что создают новые продукты и рынки, снижают издержки, увеличивают доходы. Кроме того, они делают труд творческим и осмысленным. Современные информационные технологии резко увеличивают возможности творчества и полезных нововведений. Поэтому будущее принадлежит инновационной экономике. Хочется верить в то, что в этой сфере мы сможем конкурировать, с кем угодно.

Но опять же, чтобы сделать нововведения ведущим фактором экономического роста, кроме капитала, необходимы соответствующие институты и культура, действительная свобода и понимание ее самооценности гражданами. Необходима конкуренция, отделяющая реальные нововведения от их имитации, хорошо известной по советским временам, и заставляющая бизнес заниматься инновациями, позволяющими хоть на время получить конкурентные преимущества. В конечном счете необходима особая атмосфера уважения к новаторам, их поддержки обществом.

Мы пришли к следующим выводам о перспективах развития России.

1. Прироста трудовых ресурсов не будет. Рост за счет приложения капитала к избытку труда в перспективе невозможен.
2. Энергия аграрно-индустриального перехода исчерпана, ее уже не удастся сделать фактором подъема экономики.
3. «Догоняющее развитие» по известной схеме индустриализации и завоевания западных рынков дешевыми готовыми изделиями, если и возможно, то только в отдельных, не очень значимых секторах.

4. Природные богатства гарантируют рост в лучшем случае 2-3% ВВП в год и... отсталость, если рассчитывать только на них.

5. Наши возможности связаны с нововведениями и человеческим капиталом, которые в свою очередь требуют эффективных институтов, необходимых для свободной рыночной экономики и политической демократии.

Располагаем ли мы такими институтами, такой культурой, которые позволят России стать процветающей страной в XXI веке? Нет, не располагаем. Об этом подробный разговор ниже, но и без него большинство россиян согласится с таким выводом.

Именно поэтому нужно продолжение реформ. Именно поэтому России во вред был бы президент типа Примакова и программа, которую он может предложить.

Зададимся сакраментальным вопросом: возможно ли русское экономическое чудо? Как в Японии, Корее или Китае? Все его ждут, хотят, надеются, что правительство придумает, как его устроить. Опираясь на вышеизложенное, мы можем ответить на этот вопрос: да, возможно! Но трезво взвешивая все факторы, придется сказать, что:

- 1) это будет не скоро, во всяком случае не через два-три года;
- 2) это возможно только за счет ставки на нововведения и увеличение человеческого капитала; рецепты, испытанные в других странах, вряд ли будут работать у нас;
- 3) это возможно только на основе изменений в институтах и культуре, создающих благоприятную среду для инвестиций, нововведений и развития человека; только в итоге осуществления полного пакета либеральных экономических и политических реформ.

Впрочем, мы можем обойтись и без чуда. И будем жить примерно как сейчас, пока не закончатся нефть и газ.

Программа Грефа

Преимственность курса

Правительство Примакова, который надеялся положить начало новому курсу, стало лишь последней судорогой прошлого. Что надежда у него была, свидетельствует согласие Е. Примакова, данное вопреки опыту и интуиции, баллотироваться на пост президента. Далее произошла история, которая во многих отношениях может считаться образцом «управляемой демократии». Слабеющий Ельцин в окружении «семьи» подыскивал подходящего преемника. Выбор был невелик: Аксененко, Степашин и, наконец, Путин. Последний стал премьер-министром, после чего была организована кампания по выдвижению его в президенты. Идеи Б. Березовского, абсолютно циничные, но, как выяснилось, эффективные, восторжествовали. С. Доренко показывал в своей телепередаче операции на суставах, наводящие на мысль о старости и непригодности к президентству Примакова. Лужкову дали понять, что на него вывалит цистерны помоев, если он будет настаивать на победе своей партии. На пустом месте была создана партия «медведей» во главе с приятным на лицо генералом по чрезвычайным ситуациям и чемпионом по греко-римской борьбе.

Путин энергично ответил на вызов чеченских боевиков в Дагестане, а затем экспромтом в эмоциональном порыве пообещал «замочить в сортире» всех террористов. Не знаю, смогли ли когда-нибудь социологи и психологи выяснить, какую роль сыграли эти его слова в завоевании сердец россиян. Думаю, именно они стали важнейшим фактором победы. После этого он как бы застенчиво сказал о том, что на парламентских выборах поддержит «медведей». В то же время он принял из рук С. Кириенко толстенный том программы СПС, в результате чего правые почти с нуля получили на парламентских выборах 8,5% голосов избирателей, несмотря на присутствие в их рядах «ненавистных» Гайдара и Чубайса.

31 декабря 1999 года Б. Ельцин выступил перед страной с заявлением о досрочной отставке и передаче полномочий В. Путину. Эффектный жест: уходит век, уходит старый лидер. Новый век начался с новым лидером, про которого Ельцин сказал, что он сможет объединить расколотое общество. Политическая стабилизация была обеспечена. Безопасность «семьи» и преемственность курса – тоже. Во всяком случае, Путин, еще будучи премьером, заявил о своей приверженности либеральным рыночным реформам в экономике. Сейчас, по прошествии некоторого времени, несмотря на высказывания об

принесших успех изменениях в политике, можно констатировать главное – курс реформ продолжается.

В этом отношении весьма интересен и поучителен процесс разработки новой программы, получившей название программы Грефа.

Команда:

Герман Оскарович Греф – знакомец В. Путина по Петербургу. Он был заместителем руководителя питерского Госкомимущества, когда им руководил М. Маневич. После убийства Маневича Греф занял его место. Затем Чубайс пригласил его в Москву на пост заместителя министра государственного имущества. Я с самого начала воспринимал его как члена команды Чубайса, т. е. как своего.

В своем новом положении В. Путин начал подбирать своих людей для формирования новой стратегии. Грефу было поручена разработка экономической программы. Для этого был создан неправительственный, т. е. работающий не за бюджетный счет, Центр стратегических разработок (ЦСР), разместившийся в Александр-хаусе на Якиманке – в доме А. Смоленского, бывшего «олигарха» и хозяина «СБС-АГРО», ныне таким образом замаливающего свои грехи.

Греф как-то позвонил мне в конце 1999 года и попросил помочь. До того я был «главным разработчиком программ», ему предстояло занять эту позицию. Он приехал ко мне в Высшую школу экономики на Малый Гнездиковский, где мы набросали для дискуссии основные пункты будущей программы, состав команды, которую следовало привлечь, будущий ученый совет ЦСР. В последний вошли Греф в качестве председателя, Д. Мезенцев как главный администратор – тоже человек из Питера, а также представители учредителей: от Высшей школы экономики – Я. Кузьминов и я, от Института народнохозяйственного прогнозирования РАН – В. Ивантер и М. Узьяков (мое предложение, чтобы были представлены разные взгляды), от Рабочего центра экономических реформ – В. Мау, от Института экономического анализа – А. Илларионов, от Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ – Л. Окуньков, от «Клуба 2015» – В. Преображенский, Н. Коварский, В. Лопухин и кто-то еще. Ближайшим сотрудником Грефа стала Э. Набиуллина.

Надо отдать должное Герману Оскаровичу. Буквально в течение месяца ЦСР стал одним из наиболее интересных мест в Москве, подлинным центром интеллектуальной экономической жизни. Конечно, над ним витала тень В. Путина, от которого еще не знали, чего ожидать, но каждый надеялся, что именно его идеи и он сам будут востребованы.

Сначала шла весьма своеобразная дискуссия по подготавливаемым материалам, семинары по два-три раза в неделю с весьма широким кругом участников. Затем, когда стали ясны сроки завершения работы, круг участников сузился. В него вошли О. Вьюгин, Е. Гавриленков, А. Дворкович, М. Дмитриев, Н. Коварский, Э. Набиуллина, А. Улюкаев.

Я уже оказался в стороне, и правильно. Надо менять старых лошадей, нельзя ездить все время на одних. И взятый темп мне трудно было выдерживать, и новая команда не хотела афишировать свои связи с прежней, многократно скомпрометированной. Хотя, честно говоря, ревность иногда покалывала. Но недолго.

Повестка на начало XXI века

Программа Грефа обозначила альтернативу возможной программе Примакова, курс на продолжение и развитие рыночных реформ, который намерен был проводить президент Путин. Главное, эта программа в основном определила повестку дня для России на новое десятилетие XXI века.

Вот ее основные пункты.

1. На первый план выдвигаются *социальные задачи*, связанные не только с повышением уровня жизни и сокращением социальной дифференциации, но и с формированием новой системы ценностей, преодолением патернализма и иждивенчества, с консолидацией общества вокруг целей развития.

В связи с этим признается необходимым осуществить комплекс реформ в социальной сфере, которые раз за разом откладывались:

* *реформу трудовых отношений*, направленную на формирование равноправных и содействующих росту экономики отношений между работодателями и наемными работниками, на эффективное функционирование рынка труда, на изживание пережитков социализма, формально защищающих права трудящихся, а на деле мешающих реализовать эти права и создавать рабочие места, обеспечить занятость;

* *реформу системы социальной защиты* с целью обеспечить ее адресность, помощь действительно нуждающимся;

* *реформу пенсионного обеспечения* с целью перейти от распределительного принципа «солидарности поколений» к накопительному принципу, повышающему заинтересованность и ответственность граждан за накопление необходимых пенсионных фондов и эффективное использование их в качестве инвестиционных ресурсов;

* *реформу образования и здравоохранения* с целью повышения их эффективности, легализации привлечения частных средств для оплаты образовательных и медицинских услуг, эффективного вложения государственных средств для бесплатного представления этих услуг в рамках минимальных социальных стандартов, предусматривающих оплату не учреждений, а результатов (обученных студентов, вылеченных больных);

* *жилищно-коммунальную реформу* с целью прекращения дотаций и распространения рыночных отношений на еще один сектор экономики.

2. *Модернизация экономики*. Этот термин пришел на смену термину «реформа», чтобы подчеркнуть более спокойный, постепенный характер предстоящих преобразований, чтобы больше не пугать реформами людей, ожидающих от них разного рода шоков и потрясений. Но на деле продолжить необходимые структурные и институциональные реформы, осуществить структурную перестройку экономики в ее активной фазе, поднять конкурентоспособность отечественных продуктов и предприятий.

Для этого были признаны необходимыми:

* формирование благоприятного делового и *инвестиционного климата*;

* *налоговая реформа*, предусматривающая существенное сокращение налогового бремени;

* *дерегулирование* или, как стали говорить позднее – «дебюрократизация» экономики, ликвидация административных барьеров для входа на рынки и работы на них, *выравнивание условий конкуренции* для всех экономических агентов;

* обеспечение надежной *защиты прав собственности*, налаживание современного *корпоративного управления*;

* *легализация* теневой экономики;

* ускоренное формирование современного финансового сектора, развитие финансового посредничества, финансовых рынков с целью создания эффективных рыночных механизмов трансформации сбережений в инвестиции, *банковская реформа*;

* *реформирование естественных монополий* с целью выделения из них конкурентного сектора и создания условий для обеспечения стабильности цен и тарифов без государственного регулирования, а также стимулирования энергосбережения.

3. *Реформирование государства* с целью повышения эффективности институтов государственной власти, необходимых для нормального функционирования рыночной экономики и политической демократии, соблюдения прав и свобод человека. Эти реформы раньше также откладывались из-за послереволюционной нестабильности и слабости государства. Терпеть далее было нельзя. Поэтому были предложены:

* *реформа федерализма* с целью определения оптимального разграничения прав и ответственности уровней власти, преодоления самоуправства регионов, сложившегося

после распада СССР;

* *судебная реформа*, призванная включить в работу «третью власть», которая прозябала вследствие финансовой зависимости и правового нигилизма, ставшего российской традицией, но в новых условиях абсолютно необходимая;

* *административная реформа*, которая должна упорядочить работу госаппарата, минимизировать коррупцию, достигшую невероятных размеров;

* *военная реформа*, которая должна обеспечить боеспособность армии и эффективность военной организации страны в целом, нормализовать отношения между армией и обществом, искоренить «дедовщину», изменить ситуацию, когда призыв на службу стал восприниматься в обществе как отправление на войну, смерть или подрыв здоровья.

Выполнение этой повестки дня означало бы превращение России в страну свободной рыночной экономики, готовой к вызовам XXI века. Выше эта повестка дана как перечень дел, поименованных или бегло определенных по содержанию. Все дальнейшее изложение в сущности построено как постепенное рассмотрение этих дел.

Очевидно, что программа делает упор на формирование институтов, способных обеспечить эффективное функционирование рыночной экономики и высокие устойчивые темпы ее роста, не ориентируясь на прямое вмешательство государства в экономическую жизнь. Она берет за основу либеральную модель экономики, частную инициативу.

Все упомянутые реформы и меры вызваны реальными проблемами, логически связаны между собой и дополняют или завершают реформы, осуществленные ранее. По сути, это второй этап рыночных преобразований, начинаемый, когда для него сложились благоприятные обстоятельства. Главное из них – прекращение противостояния исполнительной и законодательной властей. Напомню, что большинство этих мер было намечено еще в 1997 году Комиссией по экономической реформе под руководством А. Чубайса и даже ранее.

Далее программа Грефа, кажется, так нигде и не опубликованная в своем первоизданном и наиболее интересном виде, претерпела неоднократные изменения. Третью часть от нее отделили и передали в ведение администрации президента как неэкономическую и, стало быть, выходящую за рамки компетенции правительства. На базе первой и второй частей сначала была сделана долгосрочная стратегия развития экономики страны (на десять лет), а затем программа социально-экономического развития Российской Федерации в среднесрочной перспективе (2002-2004 гг.). Это гораздо более сухие, бюрократически выверенные документы.

Тем не менее у программы Грефа завидная судьба. В отличие от более ранних программ ее сразу начали осуществлять. Как именно? – это, наряду с содержанием реформ, одна из главных тем дальнейшего обсуждения.

Потом события будут развиваться своим чередом. Но сейчас мне хочется воспроизвести атмосферу тех дней, редкую обстановку интеллектуального прорыва посредством описания дискуссий по некоторым важным темам.

Система ценностей

Либеральная этика В.Лопухина

С самого начала Греф хотел отойти от сложившегося стандарта «программописания»: сначала цели и задачи, а затем макроэкономика. Хотелось чего-то иного, незаезженного. С подачи «Клуба 2015» предполагалось начать с системы ценностей. Я, конечно, возражал, обращая внимание на то, что в официальных документах соблюдение стандартной логики неизбежно, что отнюдь не вредит содержанию. В конце концов утвержденные программы оказались вполне стандартными, но поначалу мои увещания, в том числе и о том, что система ценностей следует предназначить для других текстов, не были услышаны. Впрочем, очень хорошо, что дискуссия на эту тему оказалась интересной и полезной. Она позволила прямо затронуть вопрос о влиянии культуры в широком смысле этого слова на развитие экономики и общества.

Обсуждение этой темы в «Клубе 2015» – объединении состоявшихся молодых бизнесменов

и менеджеров – прошло незадолго до означенного времени. Полагаю, непосредственным зачинщиком был В. Лопухин, бывший министр топлива и энергетики в первом правительстве Гайдара, а до этого – ст. научный сотрудник в Институте народнохозяйственного прогнозирования (ИНП АН СССР), и что небезынтересно, представитель древнего дворянского рода. Он опубликовал статью «Почему мы бедны?» в журнале «Эксперте» (№1-2, 2000), в которой обосновывал важность для роста и процветания страны креативной или продуктивной системы ценностей.

В. Лопухин отверг все теории богатств, включая либеральную, связав последнюю с набором институтов демократического капитализма (парламенты, частные кампании, свободное денежное обращение, независимые суды, частная пресса и т. д.), которые, по его словам, вполне могут обращаться в фасад, прикрывающий «олигархию», коррупцию и непрофессионализм, о чем свидетельствует и опыт России. Впрочем, все это признается необходимым, но не главным и недостаточным условием процветания. Главное же – система ценностей: «Богаты те страны, где доминирует продуктивная культура» (с.38). Вслед за Л. Харрисоном, анализировавшим причины провала либеральных программ реформ в Латинской Америке, Лопухин говорит об узком круге ценностей, важных для экономического прогресса, выделяя три: *доверие, ответственность, личность*.

Доверие. «В традиционном обществе радиус доверия ограничен пределами семьи или клана. В продуктивном обществе радиус доверия определяется не по кровнородственным связям, а по морально-этическим понятиям.

В любой точке земного шара и во все времена там, где радиус доверия ограничен семьей, все выходящее за пределы семьи в лучшем случае безлично, как правило же – враждебно. В таком обществе процветает коррупция, склонность к засорению общественных мест, пассивность (не "что я сделал", а "что со мной сделали"), уклонение от уплаты налогов и вообще от любых общественных обязанностей, обращенность к прошлому, негативное отношение к новому как к расшатыванию устоев, воинствующий непрофессионализм».

«Доверие имеет огромное значение для жизнеспособности политических систем, в которых допускается разнообразие. Особое значение оно приобретает, когда происходят демократические выборы. Там, где не достает доверия и отождествления, чувства "мы", всегда есть место для политической поляризации и автократической власти.

Доверие столь же необходимо для децентрализованных, то есть наиболее эффективных, экономических систем. И компании, и госсектор в странах "малого радиуса доверия" обычно находятся под прессом централизации со множеством контролирующих механизмов и процедур, якобы предназначенных для профилактики мошенничества. В реальности же эти механизмы не только душат творчество, но и сами открыты коррупции и увековечивают привилегии».

Характеризуя ситуацию с доверием в постсоветской России, В. Лопухин ссылается на известного экономиста-аграрника Е. Серову. «В деревнях, где уровень доверия друг к другу всегда был выше, чем в городе, крестьяне сегодня предпочитают тратить несколько лишних часов, чтобы собственноручно отвезти бидон молока на молокозавод даже при наличии шофера и исправного грузовика. С точки зрения экономики это означает, что непомерно и экономически неоправданно возрастают транзакционные издержки. То же самое происходит на всех уровнях бизнеса. При отсутствии доверия для осуществления любой транзакции любому участнику хозяйственной деятельности приходится создавать административную, политическую, медийную, финансовую, правовую, информационную и безопасностную защиту. Это очень дорого. Ненадежность партнеров заставляет расходовать дополнительные средства на безопасность и разведку, сужает круг тех, с кем можно иметь дело, до хороших знакомых. Устроенная таким образом экономика даже при прочих равных не может выдержать конкуренции с мировой».

«Радиус доверия гражданина нашей страны сузился до собственной тени, государству никто не верит, зато, по данным Института социологического анализа, в результате этого около 80% активных россиян сегодня рассчитывают лишь на себя и свои силы, что вселяет надежду на более светлое будущее».

«Не может быть конкурентоспособной страна, где административная власть давно сделала всех активных людей уголовниками, где она оценивает свою эффективность по тому, что нового, естественного ей удалось запретить, чтобы его же потом можно было в естественном порядке разрешать».

Чтобы добавить еще немного оптимизма, от себя скажу: доверие есть продукт развития рыночной экономики, которая тем эффективней, чем шире круг действия ее законов: от отдельных сегментов, ограниченных кругом знакомых с ожидаемыми этическими нормами поведения, до бизнес-сообщества согласного подчиняться принятым в стране законам и до мировых рынков, объединяемых интеграцией и глобализацией. Россия в общем достаточно быстро переходит эти стадии.

Сам Лопухин ссылается на Людвига Эрхарда., который писал, что «запуск рыночных механизмов – это не только "снятие оков" с экономики и освобождение ее от бездарного и всегда деструктивного влияния бюрократии, но и решающий шаг на пути *возрождения в народе нравственных принципов, основанных на признании свободы и ответственности каждого*». (курсив мой – Е.Я.). Это важно, ибо противопоставление либеральной и ценностной теорий богатства искусственно: свободная рыночная экономика – экономическая основа продуктивного ценностного ряда. Без нее ценности превращаются в нечто мистическое, парящее над землей и недостижимое для грешных земных созданий. А с ней становится ясно, откуда эти ценности берутся на земле, пусть прозрачно, но зато реально – из взаимной выгоды.

Ответственность. Выгода и ожидание потерь в случае нарушения интересов партнеров, вообще окружающих рождает понятие ответственности как социальной ценности. В рыночной экономике оно имеет свою специфику. В традиционном обществе сильно понятие общины, клана, семьи, причем каждый член их подчиняет себя общим интересам общины, но не чувствует никаких социальных обязательств за ее пределами. То же по отношению к представителям другого племени, народа, другой веры. Они – враги или жертвы, может быть, временные союзники.

В рыночной экономике все – возможные партнеры: продавцы, покупатели, кредиторы. Их круг все время расширяется, множится число ролей. Как ты к людям, так они к тебе. Доверие предполагает ответственность на другом полюсе отношений, долг выполнить обязательства. Ответственность также продукт собственности: собственность дает свободу, но она же предполагает, что в случае ее неэффективного использования ответственность будет нести только собственник. Эти размышления о том, что нравственные ценности не даются свыше, но вырабатывается человеческим общежитием применительно к формам координации деятельности между людьми. А рыночная экономика – одна из таких форм, доказавшая свою эффективность. Тем самым и ценности ей соответствующие со временем все более закрепляются.

Сейчас модно ссылаться на М. Вебера, показавшего преимущества протестантской этики, и делать из этого далеко идущие выводы относительно предопределенности отставания стран с другими религиями. «Бог кальвинизма требует от верующих не просто отдельных хороших поступков, а целой жизни, в течение которой хорошие поступки будут объединены в стройную систему. У него нет места для весьма гуманного католического цикла греха, раскаяния, искупления и отпущения, вслед за которыми позволяется новый грех».

В «продуктивной культуре» индивид несет личную и социальную ответственность в меру своего общественного положения. Чем оно выше, тем больше спрос. Альтернативная модель – освобождение от ответственности по мере роста власти характерна скорей для иерархических тоталитарных систем.

Ответственность интеллектуальной элиты – «вести общество к собственному переосознанию и обновлять на этой основе культурный мировоззренческий баланс страны» (с. 39). Она также обязана напоминать власти об ее ответственности. В этом смысле элита всегда должна держать наготове интеллектуальную оппозицию. Если нет, то она не справляется со своим предназначением и подлежит замене, обычно революционной.

Личность. Как самоценность, как элемент общества, в котором уважаются права и свободы человека, личность стоит в центре продуктивной системы ценностей. Кроме того, деятельная личность – частичка человеческого капитала. Для своего самовыражения и общественного приложения своих возможностей личность, согласно Л. Харрисону, она должна обладать следующими качествами:

- 1) образование;
- 2) труд, способность к творчеству, в труде реализуемая;
- 3) бережливость, способность контролировать свои желания ради создания прочной базы для себя и своих ближних;

- 4) непрерывное самосовершенствование, работа над собой.
- 5) доход.

«Включение продуктивной личности в общественную жизнь приносит добавленную стоимость, т.е. либо увеличивает производимый с ее участием продукт, либо сокращает издержки. Получаемый такой личностью доход не является результатом перераспределения наличных ресурсов, а лишь частью их приращения. В итоге человек может жить по совести и быть успешным». (с. 40).

Это важно подчеркнуть: успех не противоречит нравственным ценностям. Богатство – не воровство.

Названные пять качеств личности представляют собой ценности. Доверие и ответственность можно поставить с ними в один ряд. И тогда мы получаем как бы семь заповедей «продуктивной культуры», общественной признания которых и реализация в массовом поведении членов общества являются условиями успешного развития и процветания. Список можно пополнить, но для наших целей предпочтительней простые формулы.

Понятно, что нигде эти заповеди не соблюдаются полностью, но общество тем успешнее, чем выше степень их соблюдения. В США и Западной Европе – наиболее последовательно. В Восточной Азии – «рисовая культура», несмотря на явный недостаток креативности в буддизме и конфуцианстве, стала своего рода аналогом или субститутотом протестантской этики.

Лопухин приводит заимствованную у Мариано Грондона типологию продуктивной и контрпродуктивной структур личности. (см. таблицу 4).

Таблица 4. Типология Мариано Грондона: продуктивная и контрпродуктивная структура личности

Мы используем эту таблицу для дальнейших сопоставлений.

Известно, что институты и ценности с большим трудом поддаются изменениям и всегда тесно связаны с исторической культурной традицией той или иной страны. Эту традицию в значительной мере отражают доминирующие в данном обществе религии. Не случайно М. Вебер открыл тему с обсуждения протестантской этики.

Традиционалисты и православная церковь

21 марта 2001 года в ЦСР состоялся весьма примечательный семинар по системе ценностей, на который были приглашены представители основных конфессий России, в том числе видный иерарх русской православной церкви митрополит Кирилл. В своем выступлении, а также в распространенных на семинаре материалах³⁵ было прямо заявлено о несовместимости либеральных ценностей, выше признанных продуктивными, с ценностями православного христианства. Выраженная им позиция состоит в следующем.

Цитирую доклад митрополита Кирилла: «Фундаментальное противоречие нашей эпохи и одновременно главный вызов человеческому сообществу в XXI веке – это противостояние либеральных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности – с другой».

Либеральные идеи, по его мнению, оформились на излете эпохи Просвещения и соединили в себе языческий антропоцентризм, протестантское богословие и иудейскую философскую мысль (от Маймонида до Спинозы и Уриэля Акосты). Главное – антропоцентризм, ставящий во главу угла человеческую личность, противостоит характерному для религиозного сознания теоцентризму, ставящему в центр мировоззрения Бога. Антропоцентризм, следуя за А. Тойнби, сравнивается с идолопоклонством³⁶, причем «в наиболее порочной форме поклонения человека самому себе». Таким образом Личность, как одна из главных продуктивных ценностей у Лопухина, отвергается.

Впрочем, концепция прав и свобод человека признается. «Ибо сам Господь, сотворивший человека по образу и подобию своему, вложил в него Божественный дар свободы воли». Но человек грешен, несовершенен, ставить его в центр мироздания значит высвободить потенциал греха, спровоцировать «взрыв плотского начала», поощрять человеческий

эгоизм. «Истинная свобода обретается человеком по мере освобождения от греха, от тяготеющей над ним темной власти инстинкта и злого начала. Свобода дарована человеку для того, чтобы он имел возможность самостоятельно сделать выбор в пользу осознанного подчинения себя абсолютной и спасительной воле Божией». И далее:

«Либеральная идея не призывает к освобождению от греха, ибо само понятие греха в либерализме отсутствует. В этой своей части либеральная идея диаметрально противоположна христианству».

Ближе всего к либеральной идее протестантизм, поскольку он не признает фундаментального Апостольского Предания (традиции) как нормы веры. Реформация отказалась от нормативного значения Предания, оно перестало быть для протестантов критерием истины. Поэтому *«протестантизм по сути является либеральным прочтением христианства».*

Католицизм признает Предание как критерий истины, но он не противился формированию либерального стандарта. В христианстве только православие полностью сохраняет верность Апостольскому Преданию как норме веры, верность Традиции. *«Сбережение и утверждение неподтвержденной нормы веры, есть миссия православия в мире (курсив мой – Е.Я.), ибо отказ от предания на деле означает автоматическое признание утверждения о том, что человеку все позволено»*³⁷.

Если другие религии, другие духовные системы, такие как мусульманство, иудаизм, буддизм. Они основываются на своих преданиях, верны своим традициям, то они «не представляют опасности для ценностей православного образа жизни». С ними русские всегда жили мирно. Настоящая опасность – только западный либеральный стандарт, навязываемый народам вопреки их культурным, духовным и религиозным традициям.

Всеволод Чаплин пишет: «При Примакове – еще в бытность его министром иностранных дел – российское общественное мнение обнаружило, что ценности крайнего индивидуализма фактически отвергаются большинством Африки и Азии, Китаем, а в особенности исламским миром». Союзники в столкновении ценностей очевидны.

Таким образом либеральный стандарт, ставший основой «общественного понимания гражданских свобод, демократических институтов, рыночной экономики, свободной конкуренции, свободы слова, свободы совести», противопоставляется ценностям всего остального мира за пределами «золотого миллиарда».

На упомянутом семинаре Сергей Пархоменко, тогда главный редактор журнала «Итоги», спросил митрополита Кирилла о возможности достижения согласия между либералами и традиционалистами, в том числе РПЦ. Ответ был примерно таков: мы не против международно-признанных ценностей, но не хотим, чтобы нам навязывали готовый продукт, результат должен получиться в ходе дискуссии с нашим участием. Наши собеседники на Западе понимают нас. Но российские либералы не желают нас слышать.

В дальнейшем я попытался организовать диалог. Выяснилось, что для него нужно благословение Патриарха, а люди, которым он вроде бы поручил беседы с нами, от них отказались. Так это дело и заглохло. А жаль!

Не стоит ссылаться на то, что у нас церковь не так уж влиятельна и что ее консерватизм будет препятствовать распространению ее же влияния. Изложенный взгляд с теми или иными вариациями разделяется не только церковью. Идея российской особости, непригодности для нее опыта и стандартов других стран, имеет глубокие корни.

Есть весьма радикальные традиционалисты, такие, например, как А. Панарин, А. Дугин, Ю. Мамлеев, писатели-почвенники. Они выражают настроения национализма и ксенофобии, время от времени проявляющиеся то в выступлениях скинхедов, то в акциях Русского национального единства (РНЕ), то в заминированных антисемитских надписях, а то и в действиях краснодарских губернаторов.

Умеренные

Есть умеренное течение научной и общественной мысли, весьма популярное среди интеллигенции, которое не против рыночных и демократических реформ, но обращает

внимание на то, что они должны учитывать традиционные ценности национальной культуры. Акцент обычно делается на два тезиса. Тезис первый: либералы отрицают культурную самобытность, из-за этого осуществляемые ими реформы терпят неудачу. «Сегодня российское общество оказалось дальше от западной институциональной правовой свободы, чем было накануне реформ»³⁸.

Тезис второй: либералы, как и марксисты, исходят из одной универсальной схемы, в которой страны различаются только по стадиям развития. Только с разными «концами истории»: у одних – коммунизм, у других – либеральная рыночная демократия. А почему не допустить, что к процветанию могут вести разные пути, отражающие культурную специфику. Продуктивной может быть не только либеральная система ценностей. США добились успеха благодаря индивидуализму, а Япония – благодаря коллективизму.

«Проводя экономические реформы (после II мировой войны), японские элиты не стали уничтожать отличавшуюся высокой солидарностью общину – архаистскую коллективистскую структуру, а, напротив, использовали ее как канал реализации целей государства. Ведь община могла ответить на задачу либерализации экономики лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество. Обычно указывают на преимущество миниатюрных изделий современной японской электронной промышленности по отношению к традиционным для страны искусству миниатюризаци (вспомним знаменитый «бонсай» и «нэцке» – миниатюрные деревья и статуэтки)».

И далее: «Мировое значение японских преобразований в том, что у них старые ценности явились источником институтов современности. Соединение культурной традиции с достижениями индустриального мира привело к тому, что Япония стала первой древней цивилизованной страной, осуществившей скачок в современность»³⁹.

Все же стоит заметить, что Япония – не самый подходящий пример. Во-первых, потому, что в Японии после войны созданы и работают все основные, по крайней мере формальные институты либеральной рыночной модели экономики. Речь скорее должна идти о своеобразии культурной традиции в рамках этой модели.

Во-вторых, это своеобразие касается не вообще избранного альтернативного пути, а определенного переходного этапа. Уже в конце 1980-х годов у нового поколения японцев ценности существенно изменились. Они уже не хотели быть только преданными фирме трудоголиками. Да и постиндустриальная эпоха требовала иных качеств. Не случаен затянувшийся на все 1990-е годы кризис японской экономики и программа ее дальнейшей либерализации, выдвинутая в начале XXI века премьером Коидзуми⁴⁰.

Традиционные русские ценности.

Впрочем, вернемся к России. Я преднамеренно взял рельефно различающиеся позиции В. Лопухина и митрополита Кирилла, чтобы заострить проблему ценностей как фактора, способствующего или препятствующего развитию. Если задуматься, оба они сходятся в том, что сложившаяся в России система ценностей будет тормозить модернизацию. Только Лопухин сокрушается по этому поводу, не говоря о том, можно ли изменить ситуацию, и если да, то как. Традиционалисты же во главу угла ставят ценности, как основу самобытности, которую надо тщательно оберегать, а если развития не будет, то и Бог с ним – нельзя думать лишь о материальном благополучии.

Однако поскольку большинство наших соотечественников считает, что материальное благополучие не вредит духовным ценностям, а у нас его многим не достает, то стоит подумать, а какие все же у нас ценности и насколько они продуктивны. Можем ли мы опереться на свои культурные традиции и в какой мере? Или же мы стоим перед дилеммой: либо отказаться от традиционных русских ценностей, от нашей особенности, либо все больше отставать в развитии? И, наконец, может быть, не все так драматично, и ценности наши все же меняются со временем, соединяя в себе и продуктивность, и самобытность?

Размышления над этими вопросами привели меня к выводу, что в России сегодня сосуществуют три разных системы ценностей, привязанных к трем основным идейным течениям современной российской общественной мысли:

* коммунистическая, ищущая идеалы в недавнем прошлом;

* национально-патриотическая, традиционалистская, идеалы которой находятся еще дальше, в дореволюционном прошлом, но которая после семидесяти лет гонений претендует на возрождение исконно русских ценностей;

* либеральная, ориентированная на трансплантацию западных институтов и ценностей. Только она нацелена на будущее и рассчитывает на то, что в России, как и на Западе, докажет свою продуктивность.

Мы попытались, опираясь на доступные источники, составить представление о каждой. Результат рассмотрим в порядке исторической очередности.

В их анализе пришлось больше всего опираться на литературные источники. В итоге получилась нижеприведенная таблица 5 и комментарий к ней.

Из множества упоминаемых в источниках традиционных ценностей отобрано десять, наиболее важных для экономики. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что у каждой ценности, всегда существующей в общественном сознании со знаком «плюс», зачастую находится антипод со знаком «минус». Объяснять это можно по-разному. Например, тем, что ценности вырабатываются с целью подавления каких-то негативных асоциальных инстинктов, и их привнесение в общество становится шагом цивилизации. Так, десять заповедей стали моральной основой трех религий, четырех цивилизаций, если считать отдельно восточно-христианскую цивилизацию. В православии, как отмечает К. Касьянова⁴¹, подчеркивание смирения есть, по всей видимости, цивилизующее воздействие на буйные нравы вчерашних язычников.

Но в других случаях позитивная ценность или формализуется, навязывается, порождая свои негативные тени, или вступает в противоречие с реальными отношениями, диктующими иные нормы поведения, или получает противоречивые трактовки. Так появляется обратная сторона медали. Соответствующие понятия, свойства поведения приведены во второй графе таблицы 5.

Наконец, в третьей графе содержатся примечания, которые в большинстве своем указывают на специфические факторы, способствовавшие закреплению той или иной ценности.

Таблица 5. Традиционные русские ценности и их антиподы

Духовность – одна из наиболее часто упоминающихся ценностей российской культуры. Обычно она понимается как превосходство духовных ценностей над материальными: не хлебом единым жив человек. Особенно ясно это понятие с точки зрения религии – стремление к стяжанию Духа Святого. Но это не только религиозное понятие, за ее пределами духовные запросы обозначают интерес к литературе, искусству, общественным делам, переживанию эмоций, выходящих за рамки материальных интересов. Духовность может быть продуктивной: творческое вдохновение изобретателя, ученого, художника – это духовность. Но противопоставление духовности материальным интересам, русской духовности – западному материализму вряд ли оправдано.

Коллективизм понимается по-разному. Как стремление к совместной работе, способность к сотрудничеству, *cooperative map*, как говорят на Западе – весьма продуктивная ценность. Русский традиционный вариант – артельность.

Но это также может сопровождаться подчинением личности коллективу, отказом от своих прав в пользу лидера, ибо коллектив без лидера не бывает. Поэтому обратная сторона коллективизма – авторитаризм (см. работы А. Ахиезера) и безответственность: лидер объединяет права и ответственность членов коллектива, которые перестают быть самостоятельными личностями. Мы видим подобные явления и в нашей истории, и в сегодняшней жизни.

Зачастую коллективизм русских объясняют суровыми природными условиями, с которыми человек не может справиться в одиночку. Но изначально, при низком уровне развития, любые природные условия тяжелы. Поэтому коллективизм определяет существование всех примитивных обществ. Индивидуализм может возобладать только в достаточно развитом обществе, с иным, не внутриобщинным типом связей, каковым являются рыночные отношения. Коллективизм может также быть инструментом социального контроля со

стороны государства, как русская сельская община обязывалась круговой порукой по взысканию податей.

Самопожертвование, жертвенность – принесение своих интересов или даже жизни в жертву ради общих интересов – коллектива, общины, государства. Подчинение частного общему. Почитатели этой ценности обращают внимание на то, какую роль это качество сыграло в отечественной истории. Иван Сусанин, Александр Матросов, массовый героизм во время отечественных войн. Конечно, память героев священна. Но если не надо героизма и самопожертвования, то все же лучше, когда ценность человеческой личности заставляет искать решения, исключающие необходимость жертв. К тому же самопожертвование – это покорность власти, долготерпение, которые позволяют ей не считаться с личностью, игнорировать или узурпировать ее права. Самопожертвование – ценность преимущественно традиционного общества с иерархической социальной структурой, где жертвовать собой ради сеньора или барина – долг вассала или холопа.

Соборность – одна из тех русских ценностей, которая наряду с духовностью чаще других упоминается как определяющая национальная особенность. Что же это такое? В. Чаплин полагает, что речь идет о патернализме, другие считают, что согласие в коллективе и в обществе на основе консенсуса – принцип, применяемый в крупных японских компаниях, чтобы добиться разделения ее целей всеми сотрудниками. Соборность не противостоит личности, она ее укрепляет. Она противостоит безличному коллективизму и своеволию индивидуализма.

Н. Бердяев: «Соборность – внутренний, конкретный универсализм личности, а не отчуждения совести в какой либо внешний (коллектив. – Е.Я.)... Соборность мне более всего близка в чувстве общей вины, ответственности за всех»⁴².

В Аксючиц: «Подлинная соборность есть свободное, братское, любовное соединение абсолютных личностей». Полноценная личность достигает полной индивидуальной свободы и неповторимости в свободной обращенности и любви ко всем личностям⁴³.

Я несколько теряюсь, читая такие пафосные тексты. Но если попытаться несколько приземлить подобные формулировки, то их можно трактовать так: личности, объединенные в некое сообщество себе подобных, уважают не только свои права, но и права других. Поэтому они стараются добиваться своих целей, реализовывать свои интересы, не нанося ущерб собратьям, во всяком случае, не нарушая общепринятых норм. Они стремятся также к тому, чтобы эти нормы были разумны, чтобы все сообщество процветало и поэтому склонны уделять время общественным делам в своих же интересах.

В таком определении мы имеем дело ни с чем иным, как с гражданским обществом – явно либеральной ценностью. Расширение за пределы этого определения превращает соборность в некую мечту, утопию типа марксистского слогана «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех». Мы видели, во что превращается эта мечта при попытке реализовать ее на практике⁴⁴.

А что здесь специфически русского, кроме слова? Общая вина, ответственность за всех, миссия России спасти человечество, «русская идея» по Ф. Достоевскому?

И. Клямкин считает, что формула «каждый за всех» – это формула перманентной войны, используемая для организации мирной жизни в «осажденной крепости». Ее перевод с религиозного языка (мое спасение в спасении всех) на светский (подчинение личных интересов общественным) означает подчинение «обожествленному российскому государству, которое и есть воплощение всех. Что получается, если христианская идея индивидуального спасения заменяется идеей "спасения всех"? Получаются самодержавие, крепостничество, несвобода и несправедливость личности, поверхностная имитационная религиозность и неразвитость трудовой морали». И далее: «Российский государственный и общественный быт – не отклонение от "русской идеи", а ее вполне последовательное и адекватное воплощение»⁴⁵.

Так или иначе, но представляется достаточно ясным, что соборность – вполне продуктивная ценность, если она останавливается на идее гражданского общества. Она становится контрпродуктивной, когда словами о вселенской любви и заботе обо всех прикрывается подавление личности в интересах государства.

Заметим, что *сильное государство* весьма часто рассматривается как самостоятельная традиционная ценность. Нетрудно видеть, что упомянутые *ценности взаимосвязаны и как бы сливаются* в один блок, который можно назвать *эгатизмом*, произрастающим на почве свойственной России в течение многих веков социальной иерархической структуры, феодализма в русском исполнении.

Другой блок – *отношение к труду и успеху. Успех достигается натиском, удачей*, но не усердием. «Натиск, налет – это талант в нашем понимании», – отмечал И. Павлов. Кроме того, приветствуется способность *к чрезвычайным усилиям*. Выкладываться, «гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями»⁴⁶. Обратная сторона – ожидание чуда. Недаром на Руси были популярны крестные ходы и моления о дожде и урожае⁴⁷.

Многие авторы, в противовес свойственной протестантской культуре достижительности, нацеленности на успех, отмечают недостижимость как свойство русских, их равнодушие к успеху. Это трудно назвать ценностью, а тем более – продуктивной. С ней может сопоставить духовность, безразличие, к материальным благам. Но мы преднамеренно начали со способов достижения успеха, чтобы показать, что и у нас он высоко ценится.

Валентина Чеснокова⁴⁸ считает, что надо говорить не о недостижимости, но об *аскриптивности*. В ее толковании речь идет о своего рода совестливости, нежелании толкаться, ожидании признания со стороны других. В пример она приводит Сергия Радонежского, который в ответ на сомнения своего брата в его лидерстве покинул обитель и ушел в пустынь близ Киржача, а вернулся лишь тогда, когда братия умолила его принять сан игумена. Это как бы альтернатива западной практике самовыдвижения и саморекламы.

Но одновременно ценится быть «первым при раздаче» – тоже своего рода удача, «маза», которую надо успеть урвать⁴⁹. Это – прямое следствие преобладания иерархической системы распределения, «сдачи – раздачи»⁵⁰ при неразвитости рыночных отношений.

Труд – удовольствие, творчество, радость мастера. Если нет, то скорее в соответствии с византийским канонem – наказание за грехи. Именно таков труд ради хлеба насущного. Труд же ради извлечения прибыли – это нечто предосудительное. Обратная сторона – лень, бездеятельность, неорганизованность. Истоки этих качеств видят в геополитических условиях и в социальном устройстве.

Приведу знаменитое высказывание В. Ключевского, всегда упоминаемое при обсуждении русского характера: «В одном уверен великоросс – что надобно дорожить ясным летним днем, что природа отпускает мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много за короткое время и впору убраться с поля... Так великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии»⁵¹.

На климатический фактор опять накладывается иерархическая социальная структура. Труд в радость, когда работаешь на себя, но обычно это труд подневольный. Лень, бездеятельность, неорганизованность – это качества раба, крепостного, холопа.

Размах, широта, склонность к масштабным делам. Отсюда многие достижения российской экономики, государственности и культуры. Здесь важную роль сыграли огромные территории, возможность экспансии, на востоке почти не встречавшей сопротивления, природные богатства. Экспансия разрешала внутренние противоречия, подобно тому, как древние греки (кроме Афин) занимались колонизацией, когда стало не хватать хлеба⁵².

Обратная сторона этой ценности – *небрежность, беспечность, безалаберность, неэкономность*, безразличие к тому, что Н. Лосский называл «средней областью культуры». «Русский народ, – писал он, – до сих пор не овладел грандиозной территорией своего государства,.. очень мало позаботился... об удобствах для удовлетворения повседневных нужд... Бедность, угнетающая русский народ,.. есть следствие многих условий, длительного крепостного права, общинного строя крестьян, малого плодородия почвы во многих губерниях, большой затраты сил государства на защиту от внешних врагов и т. д. Но, кроме

перечисленных условий, бедность в значительной степени есть следствие малого интереса народа к материальной культуре. Вспомним о духовности и соборности. Беспечность русского народа выражается в нередко слышимых "авось", "небось", "ничего"⁵³.

«Средняя область культуры» – это та часть жизненного пространства, которая начинается за порогом собственного дома и заканчивается там, где начинает проявляться «государево дело»⁵⁴. Область малых дел, если хотите, малого бизнеса. Особенно благоустройство, уборка мусора и т. п., задачи местного самоуправления. Здесь мы традиционно слабы. Но, вспомним, в средневековых европейских городах помои тоже выливались на улицу. Но там было очень тесно и до граждан скорей дошла мысль, что «так жить нельзя». А на русских просторах еще долго продолжали жить, как придется.

Нестяжательство. Богатство – грех, бедность – добродетель. Одновременно ценятся щедрость, бескорыстие, душевность как готовность сопереживать и помогать ближнему. Помимо влияния православия с его проповедью аскетичности и ухода от мирской суеты, здесь также сказываются и традиционные социальные порядки. Жизнь от земли, продуктов и своего труда, не на зарплату, при широких просторах и природных богатствах побуждает к щедрости. Нестяжательство, добродетельная бедность помогают жить под гнетом, оправдывают его, когда большую часть труда приходится отдавать господам. Но отсюда же бездеятельность, леность, беспечность. Господа, забрав продукт, должны быть отцами своим подопечным. Патернализм – их обязанность в социальной иерархии.

Нестяжательство – ценность продуктивная. Она ограничивает жадность и зависть, облагораживает нравы, но в то же время подрывает стимулы к труду и бережливости, к предприимчивости, ограничивает потребности.

Справедливость. Трудно сказать, что эта ценность характерна только для русской культуры. Видимо, речь идет об обостренном чувстве справедливости вследствие постоянного ее нарушения, особенно властью. Еще один аспект: справедливость важнее закона, ибо суд на Руси – «шемякин суд». Отсюда традиция неуважения к закону со стороны и власти, и подвластных. Как писал М. Салтыков-Щедрин: «Суровость законов российских смягчается необязательностью их исполнения». В. Чеснокова говорит о преобладании так называемой «рассеянной санкции», внесудебных форм наказания. Высокая доля неформальных отношений, жизнь «по понятиям» не есть изобретение постсоветской России. Справедливость чаще мыслится как уравнительность.

Эмоциональность, порыв, вдохновение. Интуиция ценится выше рациональности. Красота, эстетичность. На это обращает внимание С. Хакамада, проводя различие с более сдержанными, не склонными к порывам японцам⁵⁵.

Нестандартность мышления, изобретательность (лень – двигатель прогресса), оригинальность. Отсюда достижения русской художественной культуры.

Попробуем подвести итог. Несомненно, традиционная система ценностей, особенно в совокупности с качествами-антиподами, вряд ли может быть признана продуктивной. Она отражает условия эпохи разложения аграрно-феодальной экономики и общества с иерархической спецификой: низкая производительность, зависимость от природно-климатических условий, огромные пространства, возможность экспансии как средства разрешения внутренних противоречий. Конечно, она не выражает врожденные свойства русского народа или других народов, населявших Россию. Об этом свидетельствует наличие в русском обществе других культур – старообрядцев, молокан, духоборов, для которых характерны иные нормы поведения, более продуктивные ценности.

Успешное, хотя и противоречивое развитие капитализма в России перед революцией показывает, что либо традиционные ценности не препятствовали развитию, либо их сопротивление, либо сами постепенно трансформировались. Средневековые отступало.

Советский человек

«Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем...»

Эти слова пролетарского гимна большевики постарались воплотить в жизнь. Конечно, это

касалось не зданий и сооружений, а человека со всеми его убеждениями и предрассудками, с его ценностями, возвращенными на почве феодализма и только-только зарождавшегося русского капитализма.

Что получилось? Попробуем построить таблицу, подобную таблице 5, но теперь для советского периода.

Таблица 6. Советские ценности и их антиподы.

В своей работе⁵⁶ я сопоставлял модели человека в западной литературе и у нас. В частности упоминались популярные тогда модели Макгрегора «Х» и «У». Модель «Х» – человек ленив, избегает ответственности, противится переменам, безразличен к проблемам организации, легко поддается демагогии. Модель «У» – люди по природе активны, готовы к активности, инициативе, разделению целей организации... Короче, все наоборот. Мысль автора такова, что люди ведут себя по разному в зависимости от стиля управления, от условий, создаваемых для них⁵⁷.

По аналогии для советской системы я предложил модели «Ш» и «Щ». Позволю себе выдержку.

«Одну из них рисуют учебники политической экономии и непритязательные пропагандистские публикации. Это образ человека, который в силу господства общественной собственности на средства производства активно заинтересован в эффективном ведении общественного хозяйства, и это – прямой и основной побудительный мотив его трудовой деятельности. Его личные интересы совпадают "в коренном, в главном" с общественными. Он коллективист, главные черты его взаимоотношений с другими членами коллектива и вообще согражданами – товарищеское сотрудничество и взаимопомощь. Труд его постепенно перестает быть только средством к жизни, превращается в творческую деятельность, источник радости и наслаждения. "Высшей наградой за такой труд является он сам, его результат...". Пусть это будет модель "Ш"⁵⁸.

Модель «Ш» – ша, – человек тихий. Это как бы подтекст того времени, который сегодня может стать текстом.

«Другая модель встает со страниц многочисленных ведомственных инструкций. Здесь человек – полная противоположность первому. Он ленив, без понуканий работать не станет. Не любит новшеств. Стимулы воспринимает самые простые – плати больше. Но баловать нельзя: заплатишь больше, будет считать, что так и положено. Если где-то что-то можно ухватить, не преминет это сделать. Экономить не любит, предпочитает действовать по принципу: "Запас карман не тянет". Не склонен считать государственные деньги. Норовит делать приписки к собственной выгоде в надежде, что не поймают. Воруют; у соседа, может быть, не украдет, но хищение общественной собственности воровством не считает (вспомним инструкцию даже обсуждавшуюся в печати: она предписывала сжигать канцелярскую мебель на том основании, что злоумышленники могли бы списывать себе на пользу еще годные столы и стулья). И, наконец, начальства боится, послушен, если быть строгим и держать под неусыпным контролем. Сам стремиться стать каким-нибудь начальником. Назовем эту модель моделью "Щ"⁵⁹.

Эти две модели представляют, с одной стороны, официально одобряемые ценности, а с другой – их оборотную сторону, реальность жизни в советском обществе.

Официальные ценности – не значит реально не разделяемые. В подтверждение приведем данные исследования качеств работников в оборонной промышленности в 1990-1991 годах⁶⁰. Широко распространенные качества, выявленные исследованием в этом наиболее продвинутом секторе советской экономики: способность к интенсивному труду (чрезвычайные усилия), стремление к совместной работе (коллективизм), чувство причастности к общему делу, склонность к оригинальным решениям, новаторству, готовность оказать бескорыстную помощь, готовность подчиниться неформальному лидеру, неприязнь к «выскачкам» (аскриптивность), а, кроме того, выпадающая из традиционной ментальности склонность к риску (хотя всегда была вера в удачу). В то же время мало распространенными качествами оказались способность к монотонному стереотипному труду, приверженность к индивидуальным формам труда, высокий уровень личных притязаний. Это перекликается с тем, что мы видим в таблице 6.

Совершенно очевидна взаимосвязь и преемственность советских ценностей с традиционными. «До основания» не получилось, в том числе и в части избавления от отрицательных качеств. Это объясняется не только живучестью старой культуры, но и характером нового строя, его сходством с прежним: еще большая роль государства, иерархическая организация общества, повсеместное распространение системы «сдачи – раздачи» при свертывании сети рыночных отношений.

Вместе с тем заметны определенные изменения. Меняется отношение к труду ради заработка, он перестает быть наказанием, а его низкая эффективность объясняется отсутствием действенных стимулов. За официальной, а для многих и реальной скромностью в потреблении, обусловленной недоступностью многих товаров и услуг, дефицитом, скрывается набирающая силу жажда потребительства. Воровство у государства (из общественной собственности) не считается воровством: несун – не вор, он берет общее, а значит ничье. Богатство еще предосудительно, карьеризм осуждается, но это своеобразный субститут богатства в советских условиях: повышение по карьерной лестнице равносильно повышению капитала.

В советское же время возникает принципиально новая и продуктивная ценность – образование.

Содержание многих ценностей поменялось в силу колоссальных социальных изменений. Отметим некоторые важнейшие события и процессы.

В 1968 году численность городского населения превзошла численность сельского. В 1913 году в городах жило 15% населения, в 1926 году – 17%, в 1939 году – 31,7%. До середины XX века мы все еще были по преимуществу крестьянской страной. Но в 1990 году уже две трети населения жило в городах. Численность сельского населения СССР сократилась и абсолютно, почти вдвое. С 1926 по 2000 годы Россия – еще более городская страна, чем СССР в целом, – 74% городского населения.

Еще в середине 1920-х годов большинство россиян жило в деревенских домах. К концу 1950-х – в коммунальных квартирах, общежитиях и бараках. К 1989 году в отдельных квартирах с минимальным уровнем трудоустройства (ванна, горячая вода, центральное отопление, канализация) жило 67% городских семей, а всего в отдельных квартирах и домах, включая село – 53% семей. «Отдельная квартира стала основным типом городского семейного жилища, а обитающая в такой квартире малая нуклеарная семья – основным типом городской семьи»⁶¹.

В те же годы в связи с урбанизацией, сменой образа жизни, источников дохода, произошла радикальная смена демографического режима от быстрого роста населения при высоких рождаемости и смертности к стационарному населению или даже депопуляции при низких показателях рождаемости и смертности.

Суммарный коэффициент рождаемости – среднее число, рожденных одной женщиной за всю жизнь монотонно снижалось с 2,626 в 1958-1959 годах до 1,214 ребенка в 2000 году, в том числе с 1,552 в 1992 году. Иначе говоря, на этот процесс либеральные реформы оказали лишь незначительное влияние. Смертность после Второй мировой войны снижалась до 1964 года, затем до 1985 года она медленно росла (с 9,4 человек на тысячу жителей в 1970-1971 годах до 11 человек в 1985-1986 годах), упала во время антиалкогольной кампании 1985-1987 годов, заметно возросла в 1992-1994 годах (до 17,8), и в 2000 году составила 17,4 человек на тысячу жителей. Здесь негативное влияние реформ сказалось более заметно, но в целом тенденция стабилизации налицо⁶².

Смена демографического режима – явное свидетельство изменения отношения людей к своей жизни и к смерти. В дореволюционной России преобладала пассивность перед смертью: «Бог дал, Бог и взял». К концу советской эпохи люди как личности хотят жить лучше, поэтому женщины зачастую отказываются от рождений, со смертью борются и врачи, и их пациенты. Выросла ценность человеческой жизни. Это ли не показатель развития индивидуализма?

Таким образом за годы советской власти полностью изменился образ жизни людей: из села, собственного дома, патриархальной семьи, всепроникающего социального контроля соседской общности люди переместились в города, отдельные квартиры и многоквартирные дома, где соседи порой не были знакомы друг с другом, в малые семьи с одним-двумя детьми. Город сделал людей более свободными и более уязвимыми.

Но большинство новых горожан, а в значительной части и их дети еще оставались сельскими жителями по образу мыслей, по ценностям. К моменту распада СССР примерно половина его жителей была горожанами в первом поколении. Среди шестидесятилетних и старше граждан СССР коренными горожанами были только 15-17%, 40% среди 40-летних, и только в числе лиц моложе 22 лет уже преобладали горожане во втором поколении⁶³. Еще моя теща, родом из-под Владимира, часто говаривала: «Им хорошо, им из деревни помогают». Связь большинства горожан с сельскими родственниками зачастую была сильнее связей с соседями, а то и с коллегами.

В 1940-1950-е годы в советских городах преобладали вчерашние крестьяне, находившиеся в наиболее активном возрасте. Они и пришли к власти. Из деревни и рабочих поселков на высшие партийные посты было привлечено 60,5%, и только 22% – из крупных городов⁶⁴. Только в поколении 1940-х годов стала преобладать доля коренных горожан.

Надо также заметить, что советский город отнюдь не был тем оплотом рыночных отношений и гражданских свобод, каким был уже средневековый европейский город. Прописка, дефицит, система «сдачи – раздачи», включая жилье, сам характер городской застройки – все это ограничивало свободу, уподобляло советский город селу. В. Глазычев писал о «слободизации» страны, имея в виду окружение старых городских центров безликой новой застройкой и частными домами горожан – вчерашних сельских жителей, в силу чего городская среда, в других странах становившаяся средоточием гражданской и культурной жизни, у нас в провинции не складывалась⁶⁵. Главная площадь со зданиями обкома, облисполкома, КГБ и неизменным памятником Ленину не привлекала людей. А остальное было придатком к заводам, как склады и подъездные пути.

Вспоминаю кинофильм «Маленькая Вера», вышедший в годы перестройки. Ужас хрущоб между железной дорогой и заводом, где человек не мог стать личностью, где он был обречен становиться злым, грубым и несчастным. Даже бедная деревня с ее живым природным окружением кажется более гуманной, более благоприятной средой для человеческого развития.

Все это важно, если мы хотим понять изменения в системе ценностей россиян. До самого последнего времени (до 1990 года) они во многом сохраняли традиционные, в том числе советизированные ценности.

Последние, хотя и относились, по словам Ю. Левады «к лозунгу, проекту, социальной норме», «в то же время – это реальные характеристики поведенческих структур общества»⁶⁶. Они находили отклик в культуре горожан первого поколения⁶⁷. *И только сейчас, начиная с 1990-х годов, ситуация начинает в корне меняться.*

Меняются ли ценности от реформ?

О том, что происходит с системой ценностей последние пятнадцать лет, мы можем судить, кроме прочего, по социологическим исследованиям. Конечно, мнения, фиксируемые этими исследованиями, это не поступки, не реальное поведение, но тем не менее некая опора для суждений. Мы используем известные результаты, хотя они не были получены из работ, специально составленных для наших целей. При этом мы получаем возможность проследить динамику мнений и раскрыть идеологическую стратификацию пореформенной России.

ВЦИОМ с 1989 года проводил исследования по программе «Советский человек». В таблице 7 приводятся данные, позволяющие, со всеми оговорками, судить о динамике мнений относительной качеств своего народа.

Таблица 7. «Образ жизни» и «образ человека»
(в % от числа опрошенных по столбцу)

Источник: Левада Ю.А. От мнений к пониманию⁶⁸. Библиотека московской школы политических исследований. 2000. с. 448.

Ю. Левада комментирует эту таблицу так: комплекс самоутверждения, меньше самобичевания по сравнению со временем начала реформ, больше переживания собственной униженности, сами о себе гораздо лучшего мнения, чем о своих согражданах.

А что о ценностях? В таблице упоминается ряд качеств, о которых говорилось выше. Некоторые меняются мало: 3-4%, даже 6-7% в опросах – в пределах допустимой ошибки. Лень и терпеливость практически не изменились. Свободолюбие немного выросло. Обратим внимание на значимые изменения:

- * энергетичность – рост на 11% (20% в 1999 году к 9% в 1989 году),
- * непрактичность – снижение на 9% (22% к 31%)
- * безответственность – снижение на 6% (16% к 22%)
- * трудолюбие – рост на 8% (35% к 27%)

Просматриваются явные сдвиги в направлении адаптации к новым рыночным реалиям. Отношение к государству показано в таблице 8.

Таблица 8. «Государство и мы» (в % от числа опрошенных, по столбцу)

Источник: Левада Ю.А. От мнений к пониманию⁶⁹

Подтверждение тенденции: меньше требований к государству и меньше готовности жертвовать ради него чем-либо, резкий рост настроений обособления от государства, ощущения, что не люди должны служить ему, а оно – им.

В 2001 году был реализован проект «Томская инициатива»⁷⁰. В него был заложен следующий вариант ценностно-идеологической стратификации:

- 1) традиционалисты – приверженцы ценностей дореволюционного и советского общества: мы видели, что это вполне совместимо;
- 2) традиционные консерваторы – умеренные, периферия коммунистического электората;
- 3) анархисты – неадаптированные носители идей социальной справедливости, либерал-солидаристы. Я бы назвал их левыми либералами в европейском смысле;
- 4) либералы-индивидуалисты – модернисты в чистом виде, с индивидуалистическим сознанием и высокой достижительной активностью, чистые западники;
- 5) неоконсерваторы – за радикальные реформы, но с опорой на традиционные ценности. Это приверженцы В. Путина или, возможно, либеральной экономики с управляемой демократией⁷¹.

В таблице 9 приведены данные томского исследования о доле этих групп в выборке и их мнениях об образе русского народа (автостереотипах) по выбранным ценностям.

Таблица 9. Ценностные группы и различия между ними по автостереотипам

Источник: Бызов Л.Г. Социокультурная трансформация российского общества⁷².

Примечание: численные значения по ценностям-автостереотипам по ценностным группам представляют отклонения от единого балла по выборке при пятибалльной шкале.

Можно сделать следующие выводы: в целом высокая оценка качеств своего народа и социальный оптимизм, при более критическом отношении либеральных групп. Они, в частности, невысоко оценивают как национальные черты трудолюбие, честность, скромность, основательность, законопослушность. Традиционалисты же и консерваторы склонны выше оценивать наши достоинства.

Предпочтительность православных и протестантских (условно) ценностей определялась по оценке респондентами высказываний соответствующего характера. Например, «православное» высказывание: государство олицетворяет высший смысл деятельности отдельного гражданина; жить ради государства, самозабвенно служить ему – нравственный идеал русского человека. «Протестантское» высказывание: государство существует ради своих граждан; государство должно быть сильным, чтобы эффективно защищать их интересы. Исследование показывает, что православные и протестантские ценности распространены примерно одинаково, причем к православным более склонны

традиционалисты и анархисты (как левые либералы), а к протестантским – либералы и неоконсерваторы, которых авторы считают надеждой новой российской социальной субъектности.

В сентябре 2001 года Фондом «Либеральная миссия» и Клубом 2015 был проведен социологический опрос на базе выборки ВЦИОМ (автор исследования – Т.И. Кутковец). Приведем некоторые его результаты.

Таблица 10. Какого типа государством вы хотели бы видеть Россию?

Ответы на этот вопрос по существу производят ту группировку по ценностям, которая анализировалась выше (по первым трем ответам). Упрощение до двух групп (традиционалисты – либералы) даст соотношение 38%:60%.

Такое же упрощение по группировке томского исследования «либералы + анархисты + неоконсерваторы // традиционалисты + традиционные консерваторы» дает соотношение 62,7%:37,4%.

Вопрос о предпочтительности открытости или закрытости страны: отношение 60%:39%.

Вопрос о предпочтительности подчинения личных интересов возвышенным идеалам или же формирование идеалов в соответствии с жизненными интересами людей: 37%:63%.

Эти совпадения трудно считать случайностью. Причем более либеральные ответы дают люди более молодые, более образованные, городские жители.

Таблица 11. Какие из перечисленных ценностей вы считаете своими?

Здесь мы видим ценности общие, разделяемые всеми (семья, законность, душевность = 164 балла), традиционные ценности (социальная справедливость, бескорыстие, коллективизм, государственность = 109 баллов), либеральные ценности (свобода личности, частная собственность, демократия = 67 баллов).

Разные замеры дают разные результаты. Тем не менее по совокупности всех данных мы можем сказать: с начала либеральных реформ ценностные ориентации граждан России медленно, но верно смещаются от традиционных к либеральным ценностям, соответствующим условиям рыночной экономики и демократии.

Собственно этот процесс начался еще при советской власти, но он протекал скрыто, находя выражение скорее в индивидуальном поведении – потребительский стандарт, теневая экономика, которые в публичном пространстве осуждались. Но с 1990-1992 годов процесс либерализации ценностей пошел открыто. Он был осложнен трудностями реформ, ухудшением жизни, разочарованиями. Поэтому мы видим и временные обратные движения. Но в целом большинство граждан признало необходимость и необратимость перемен, соответственно меняя и свои ценности.

Завершая обсуждение ценностей сделаем следующие выводы.

1. Ценности меняются, хотя и медленно. В период бурных общественных переворотов скорость их изменения повышается.
2. Поскольку ценности меняются медленно, на первых этапах реформ они зачастую становятся препятствием для их успеха. Трудности реформ могут вызывать консервативную реакцию, временное укрепление традиционных ценностей, отторжение новых институтов.
3. Однако если реформы отражают объективные потребности развития общества, то новые институты и ценности прививаются, а старые, противоречащие им, теряют силу.
4. Поэтому нет ничего драматичного в том, что наблюдаются противоречия между новыми институтами и старыми ценностями. Крушения реформ из-за их расхождений с традиционными ценностями не будет.
5. Закономерность изменений такова: вначале реформы меняют реальные отношения, затем меняются формальные институты, затем – неформальные институты и ценности. Типичный пример – либерализация: она означала ключевой шаг от иерархической плановой системы к

сетевой рыночной и стала основным импульсом изменений поведения, через бартер и платежи к уважению обязательств по контрактам и долгам.

6. Традиционные ценности и культура могут сохраняться, если они не противоречат новым. Так, образование, размах и широта, изобретательность станут еще более ценными качествами.

7. Для России скорее характерно иное: традиционные ценности преимущественно органически связаны с уходящим прошлым – феодализмом и советским социализмом. Разрыв с ними необходим.

¹ Экономика России: три года после кризиса. Министерство экономического развития и торговли. М. 2002. Апрель. С. 6.

²Solow R. Technical Change and the Aggregate Production Function. Review of Economics and Statistics. 1957. August.

³Нуреев Р.М. Экономика развития. Модели становления рыночной экономики. М. 2001. Сс.137-147.

⁴Там же. С.148.

⁵Например, см: Hagami Y. Development Economics From the Poverty to Wealth of Nations. Oxford. 1997.

⁶Нуреев. Сс.23-24.

⁷Leibenstein H. Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economics Development. N.Y. 1957. P.132. Цит.: Нуреев. 2001. С. 24.

⁸Развитию противостоят деградация и упадок, для них характерны примитивизация, упрощение институтов и общественных отношений, снижение эффективности. Однако эти явления наблюдаются также при кризисах, связанных с революционными институциональными изменениями.

⁹Пути экономического роста. 2001. С. 45.

¹⁰Там же.

¹¹Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1. Т. XI.

¹²Rostow W. The Stager of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge. 1960.

¹³Тойнби А. Постигение истории. М. 2001. Сс. 239-241.

¹⁴Там же. Сс.239-241.

¹⁵Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. 1994.

¹⁶Нуреев. Сс. 29-30.

¹⁷Lewis W.A. The Theory of Economic Growth. N.Y.1959. Цит.: Нуреев. Сс. 41-48.

¹⁸Тодаро М. Экономическое развитие. М. 1997. Lin J. Rural Reforms and Agricultural Growth in China. American Economic Review. 1992. Vol. 1.

¹⁹Нуреев. С. 175.

²⁰Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего развития». М. 2000. С.101.

²¹Там же. С. 75.

²²Примаков Е. Восемь месяцев плюс... М. 2001. Сс. 26-31.

²³Олигарх — не просто разбогатевший человек, использующий для этого все доступные ему средства, но тот, который «пошел в политику», сражается с властью, создавая условия для противозаконного или с использованием несовершенства российского законодательства баснословного обогащения за счет общества.

²⁴Там же. С. 35.

²⁵Там же. С. 40.

²⁶Там же. С. 42.

²⁷Там же. С.43.

²⁸Там же. С. 45.

²⁹Там же. Сс. 45-75.

³⁰Там же. С. 53.

³¹Там же. С. 54.

³²WDI. 2001. Рр. 126-128.

³³Российский статистический ежегодник. 2001. С. 64.

³⁴Официальный прогноз на 2016 год: оптимистический вариант – 142,8 млн. чел. (в 2000 году – 145,6 млн.); пессимистический – 125,7 млн. чел.; средний – 134,4 млн. чел. На 2050 год при лучшем сценарии прогнозируется численность населения ~112 млн. чел. без учета миграции. Миграция, способная предотвратить падение численности населения в эти годы (до 2050 года) должна составить от 689 до 2352 тыс. чел. в год или всего за период – от 34,5 до 117 млн. чел. Это тенденция, характерная для всех развитых стран. См: Население России, 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневого. М. 2001. Сс. 135, 141, 147-150.

³⁵Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. «Норма веры как норма жизни». Доклад на богословской конференции «Православское богословие на пороге третьего тысячелетия».

Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Обстоятельства нового времени // НГ-религии. 1999. 26 мая.

Всеволод Чаплин, протоирей. Мы идем в чужой монастырь // Независимая газета. 2000. 9 февраля.

Всеволод Чаплин, протоирей. Борщ или луковый суп // Московские новости. 2000. 25-31 января.

Алексий II, патриарх Московский и всея Руси. Мир на перепутье // Независимая газета. 1999. 11 июня.

³⁶«Идолопоклонство можно определить как интеллектуальное и морально ущербное и слепое обожествление части вместо целого, твари вместо Творца и времени вместо вечности... В практической жизни эта моральная аберрация может принять форму всеобщего поклонения отдельной личности или обществу». См: Тойнби. С. 321.

³⁷См: Независимая газета, 1999. 26 мая. Не вступая в богословскую дискуссию о роли предания, позволю себе привести две цитаты. Первая принадлежит Виктору Аксютину, лидеру Российской христианско-демократической партии, известному деятелю первой поры наших реформ: «В церковном сознании России господствует унаследованный из глубины

веков консервативный и охранительный подход к святоотеческому Преданию. Эта установка болезненно усугублена десятилетиями гонений на христианство, тотальным запретом на богословскую мысль. Но приходит время, когда богословское и философское решение наших проблем становится жизненно необходимым. И это вновь ставит вопрос о творческом отношении к святоотеческому преданию». См: Аксюциц В. Под сенью креста. М. 1997. Сс. 30-31.

В. Аксюциц ссылается на А. Шмемана, одного из выдающихся представителей русской богословно-религиозной мысли начала XX века, который писал: «В истории Византии наступил момент, когда государство и церковь учли опыт прошлого, когда это прошлое – из вчерашнего своего превратилось в древность, освятилось этой древностью, психологически выросло в вечный идеал, который уже не столько вдохновляет на будущее творчество, сколько требует постоянного возвращения к себе, подчинения сегодняшнему себе...

Святоотеческое предание, подтвержденность, хотя бы внешняя, авторитетом Св. Отцов в виде ссылок и цитат, иногда даже вырванных из общей связи, становится как бы гарантией благонадежности». Так от Византии к Руси перешло господствующее у монашество, «что все разрешено и заключено в прошлом и что ссылка на это прошлое одна дает гарантию православия». См: Шмеман А.Д. Цит. по Аксюциц. С. 31.

От себя замечу: это напоминает обязательные недавно ссылки на классиков марксизма, у которых одних не могло быть ошибок. Право же, русские марксисты – православные марксисты.

³⁸Нуреев. Сс. 37, 41.

³⁹Карачаровский, Шкаратан. Сс. 10-11.

⁴⁰Послушаем японца Акио Кавато, дипломата, полномочного министра в посольстве Японии в Москве: «В прошлом одним из типичных профессиональных признаков для всего мира всегда был легендарный японский трудоголизм. Сегодня молодые специалисты не считают нужным оставаться на своем рабочем месте до поздней ночи, пока начальник не покинет офис. Раньше предполагалось, что все должны работать, пока начальник в офисе. Другой признак: молодежь сейчас безо всякого колебания берет отпуск, как предусмотрено графиком. Раньше мы всегда обращали внимание на удобство своих коллег: если мы берем слишком долгий отпуск, коллеги страдают от большой нагрузки. Всегда было принято по окончании работы всем вместе идти в бар, обычно с начальником, где он прощал подчиненных. Или сами сотрудники вместе ходили в бары – отдых был коллективным. Теперь же после окончания работы все расходятся – кто на дискотеку, кто в спорт клуб, кто в бар, каждый по своему вкусу». См: Азиатский индивидуализм. Беседа Юлии Стоногиной с Акио Кавато // Неприкосновенный запас. 2001/2002. № 5. С. 109.

⁴¹Касьянова К. О русском национальном характере. М. 1994. С. 244.

⁴²Цит. по Аксюциц В. С. 244.

⁴³Там же. С. 245.

⁴⁴В 1930-годы Н. Бердяев отошел от своих взглядов поры увлечения евразийством, Учтя, видимо, уроки фашистских диктатур в Италии и Германии, он отказался от соборного принципа «человека для...». «Государство существует для человека – писал он, – а не человек для государства». См: Бердяев Н. 1972. С.125. «Человек, человеческая личность есть верховная ценность, а не общности, не коллективные реальности... как общество, нация, государство, цивилизация, церковь». См: Там же. С. 26.

⁴⁵См. интернет-дискуссию «Западники и националисты: возможен ли диалог?» на сайте Фонда «Либеральная миссия».

⁴⁶Павлов И.П. О русском уме // Литературная газета. 1991. № 30.

⁴⁷Русские. Этнографические очерки. М. 1999.

⁴⁸См. интернет-дискуссию «Западники и националисты: возможен ли диалог?» на сайте Фонда «Либеральная миссия».

⁴⁹ Карачаровский, Шкаратан. С. 39.

⁵⁰Нуреев. Сс.113-117.

⁵¹Ключевский В.О. Соч. Т. 1. М. 1956. Сс. 313-314.

⁵²Тойнби. Сс. 133-134.

⁵³Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М. 1991. С. 56.

⁵⁴Карачаровский, Шкаратан. С. 41.

⁵⁵Хакамада С. Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа Японии и России // СОЦИС. 1999. № 4.

⁵⁶Ясин Е.Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. М. 1983.

⁵⁷О'Шоннеси Дж. Принципы организации управления фирмой. М. 1979. Сс.133-134.

⁵⁸Ясин. С. 21.

⁵⁹Ясин. С. 22.

⁶⁰Карачаровский, Шкаратан. С. 45.

⁶¹Вишневский А.Г. Серп и рубль. М. 1998. С. 91.

⁶²Население России. 2000, 2001. С. 83-85.

⁶³Вишневский. С. 94.

⁶⁴Там же. С. 98.

⁶⁵Глазычев В. Слободизация страны Гардарики // Иное. Т. 1. М. 1995. С. 86.

⁶⁶«Советский простой человек». Опыт социального портрета на рубеже 90-х. Отв. ред. Ю.А. Левада. М. 1993. С. 8.

⁶⁷Вишневский. С. 181.

⁶⁸Левада Ю.А. От мнений к пониманию. М. 2000. С. 448.

⁶⁹Там же. С. 442.

⁷⁰Бызов Л.Г. Социокультурная трансформация российского общества // Мир России. 2002. № 1. Т. XI. С. 114.

⁷¹Там же. С. 124.

⁷²Там же. Сс. 126, 129, 131-132.

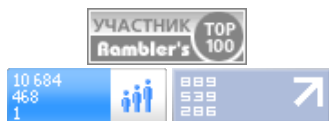
Версия для печати

комментарии ()

Только зарегистрированные и авторизованные пользователи могут оставлять комментарии.

Авторизуйтесь, пожалуйста, или зарегистрируйтесь, если не зарегистрированы.

Copyright © 2008. Фонд "Либеральная миссия". Все права защищены.

УЧАСТНИК
Rambler's TOP 100

10 684
488
1

Icons: People, Print, Share